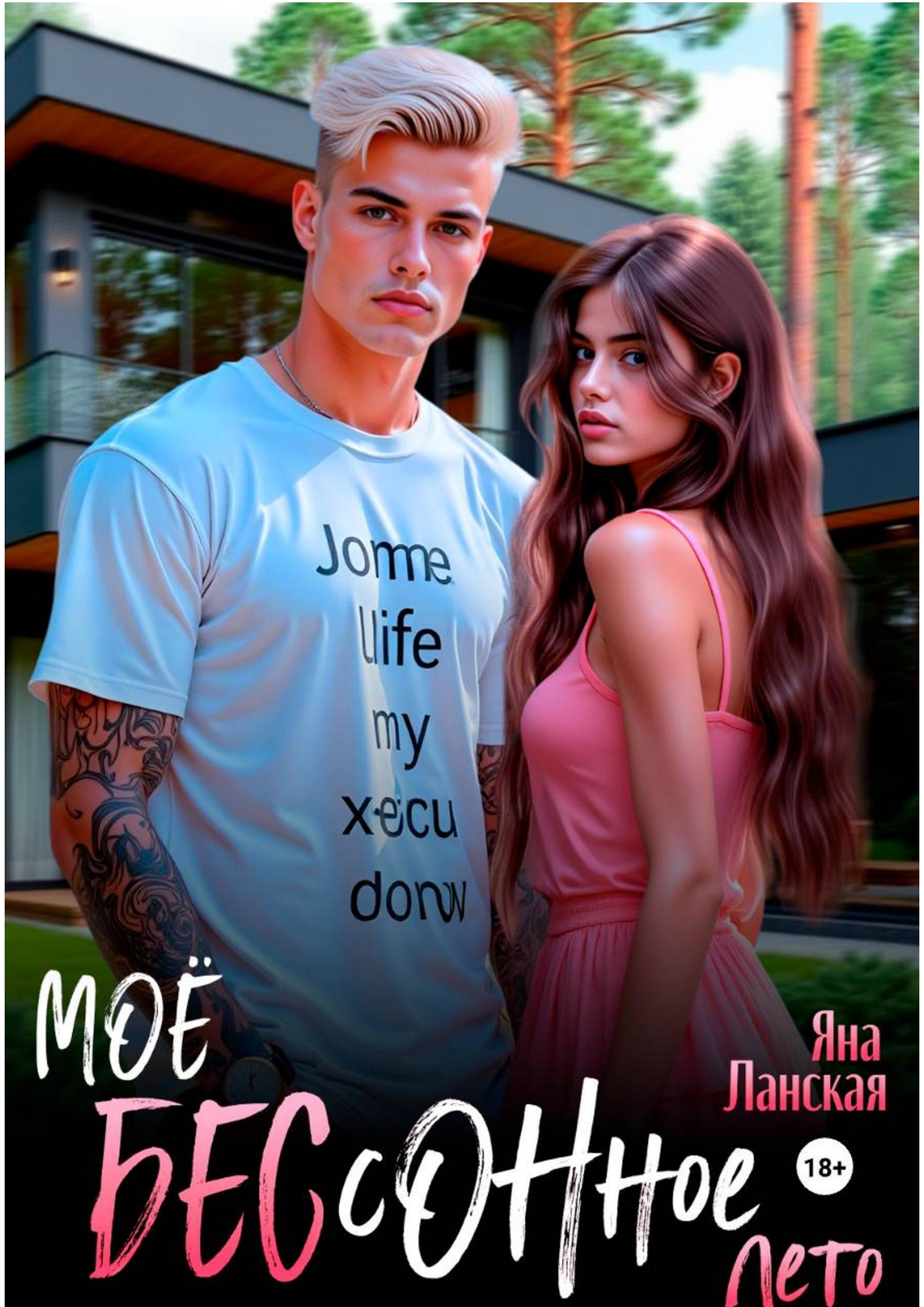

A young man with short, light-colored hair and a serious expression stands next to a young woman with long, wavy brown hair. The man is wearing a white t-shirt with the text 'Jomme life my xescu down' and has a large tattoo on his right arm. The woman is wearing a pink dress and looking over her shoulder at the camera. They are standing in front of a modern house with large windows and a balcony, with trees in the background.

Jomme
life
my
xescu
down

МОЁ

БЕССОННОЕ

Яна
Ланская

18+

Лето

Яна Ланская

Моё бессонное лето

«Автор»

2026

Ланская Я.

Моё бессонное лето / Я. Ланская — «Автор», 2026

Он поднимается с постели, больше не смотрит на меня, молчит. Ищет в штанах сигареты, достаёт пачку и скрывается на балконе. Голый. Закуривает и смотрит куда-то вдаль. Его равнодушие ранит. Я же только-только стала женщиной, доверилась ему. Ждала ласки, внимания, поддержки. А он? Ушёл курить, не сказав ни слова? Накрываюсь одеялом и пытаюсь изо всех сил сдержать слёзы досады.— Ты ещё не оделась? — возвращается в спальню.Его слова как бритвой режут. Он что, прогоняет меня? Сейчас?— А мне надо одеться? Я думала, — не могу закончить мысль, голос начинает дрожать.— Что? Что ты думала? Что я теперь женюсь на тебе, а потом мы погрём в один день? Не, малыш, это не для меня. Одевайся, я погнал тусить на Ваську, — Женя кидает в меня мой сарафан и сам начинает одеваться.— Но это же мой первый раз, — бормочу неуверенно. Сама не понимаю, что я теперь жду от него.— И? Тебе же понравилось? Очень понравилось. Твои стоны даже в Питере слышали. Мне лично не зашло, но я как-нибудь переживу.

© Ланская Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Звалась она Татьяной	5
2. Евгений-добрый мой приятель	9
3. Незримый был уже мне мил	12
4. Наука страсти нежной	16
5. Чем меньше женщину мы любим	22
6. Тем легче нравимся мы ей	24
7. И тем её вернее губим	28
8. Средь обольстительных сетей	31
9. Желаньем медленно томим	35
10. Наслаждаясь не любя	39
11. Кому не скучно лицемерить	43
12. Доверчивость души невинной	47
13. Он оставлял без сожаленья	51
14. Привычкой жизни избалован	54
15. Как он язвительно игнорил	57
16. Её презреньем наказать	63
17. Ревности припадки — болезнь, так точно как чума	66
18. Разврат бывало хладнокровный	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Моё бессонное лето

1. Звалась она Татьяной

POV Бес

Ловлю ветер, кайт натягивается, и я взрываю вверх. Восемь или десять метров подо мной, ощущение полной свободы и превосходства над всем.

Это чистый кайф. Несравненный. Делаю сальто, и меня выносит к берегу, приземляюсь, скольжу и замечаю её.

Среди десятка кайтеров затесалась невинная лань с плёночным фотоаппаратом. Да, я привык, что все нас фотографируют и часами пялятся, но эта не такая. Особенная, сразу бросается в глаза.

Платье, будто девочка из позапрошлого века, хрупкая, настоящая какая-то, искренняя.

Тёмные волосы развеваются змеями по ветру. Классная.

И...Её внимание приковано ко мне. Что ж. Удовлетворю тебя, малыш.

Разворачиваюсь спиной к кайту и делаю вращение – бэксайд. Девчонка в восторге и начинает щёлкать.

Сегодня идеальные условия для катания, нет волны и хороший северо-западный ветер.

Отъезжаю от берега, набираю скорость, подпрыгиваю и хватаюсь за доску. Малышки любят грэбы*.

*Грэб-трюк, в котором серфингист хватается за доску.

Возвращаюсь к берегу, отслеживаю свою поклонницу, улыбаюсь ей, устанавливаю зрительный контакт и окатываю волной. Сладкая малышка визжит и отбегает от воды. Белое платье практически насквозь мокрое. Даже соски успел запалить. Уверен, завтра она будет торчать здесь с самого утра, а вечером сладко стонать, умоляя ещё.

Приехать в СПб на лето – заебись идея. В городе до хуя вечеринок, в курортном районе же релакс и спот для кайтсерфинга.

— Ну что, Бес, как покатал? Заценил место? — Подходит ко мне Лёха у берега.

Пока я сёрфил, он спустил гидрокостюм по пояс и ходил снимал тёлочек. В честь моего приезда устроим хоум-пати, девочки нужны. Много. После спорта всегда готов трахаться нон-стоп.

— Не Дахаб*, но норм. Сегодня нет волны, посмотрим, как будет в рябь. Я проголодался пиздец, Лёх.

*Дахаб — популярный курорт в Египте. Считается одним из лучших мест для кайтсерфинга.

— Переодевайся, погнажи. В Репино охуенные бургеры мои типы держат. Я твой кайт ребятам на базу закину пока. Это мои кореша, чтобы не таскать туда-сюда.

— Давай.

Хватаю свой рюкзак и иду в раздевалку. Стягиваю гидрик, вытираюсь полотенцем и слышу шаги по песку. Оборачиваюсь: в моей раздевалке та мокрая малышка.

— Ой, — испуганно произносит.

— Ой, — нагло зеркалю и пожираю свою добычу.

Блядь. Глаза бемби. Кто-то тащится по жопам, сиськам, губам. Меня же впирает этот невинный взгляд больших карих глаз в обрамлении телячьих ресничек.

Губы полуоткрыты. Выражение лица смущённое. Взор застыл на моих татуировках и невольно опускается вниз.

Да, малыш, мне есть что тебе показать под гидрокостюмом.

— Извините, — сладко лепечет, — я думала, что здесь пусто, — разворачивается и собирается бежать. Не так быстро, малыш. У тебя всё на лице написано.

— Здесь достаточно места, бемби, — хватаю её за запястье и вжимаю в своё мокрое тело.

— Что Вы делаете? Отпустите! Я буду кричать, — неубедительно протестует прелестница. Уверен, она уже течёт.

— Не сомневаюсь, что будешь, малыш, — шепчу ей на ушко и резко отпускаю.

Девчонка вылетает из кабинки как ужаленная, а я громко и зловеще смеюсь, усиливая эффект.

Поправляю яйца, хороша. Сладкая, податливая, пахнет как цветочек. Блядь. Скорее бы завтра.

— Хоуми, — кричу Лёхе, выходя из раздевалки, — я готов. Погнали.

Иду к тачке и в третий раз замечаю свою нимфеточку. Лежит в белом мокром платьёшке на пледе и читает. Лолита.

Прям здесь бы засадил. Олицетворение петербургской девы. Надо показать ей московскую грязь.

Проходя мимо, наклоняюсь и провожу рукой по мокрой голове, на её книжку летят брызги, хохочу и отбегаю.

— Вы сбрендили? — гневно пищит, — это «Волхв» в оригинале из подписных изданий!

— Готов загладить свою вину, — подмигиваю и удаляюсь к парковке.

Девчонка тяжело дышит и красная от возмущения. Чую, не один раз солью. Больно хороша.

Сажусь в тачку и жду Лёху.

— Бес, надо в магаз заехать, к нам сегодня человек тридцать завалится, — сообщает друг.

— Заебись. Я думал, стухнем в твоём Комарово.

— Не, Жень, поднимем на уши местную интеллигенцию.

Дома разбираем продукты, настраиваем оборудование для музыки. Лёха будет играть свой диджейский сет.

— Хоуми, — зову Лёху, — у тебя тут TRS-кабель погнулся. Запаска есть?

— Да ладно? Блядь. Нет больше. Завтра в «Делмаре» играю. Надо в Питер гнать в «Муз-торг». Бля, уже восемь. Закрылся. А у тебя что, нет?

— Не, бро, только AUX. На хуя мне TRS?

— Слушай, у меня сосед меломан. Декан исторического факультета. Чего только у него нет. Кабели по сотке латунные. Фанат. Погнали спросим. Наверняка есть.

— Ну, погнали.

— Заодно дочурок его на пати позовём.

— Что за девочки у папаши декана?

— Оля и Таня. Вот Олю уже две недели обрабатываю, нераспакованная. Десятый класс окончила. Сок.

— Ларины что ли? — Усмехаюсь, — ну им как раз меня не хватало.

— Да, они Ларины, а ты откуда знаешь? — Удивляется Лекс.

— Хоуми, блядь. Евгений Онегин. Сестры Татьяна и Ольга. Я Евгений, ты правда не Владимир. Сечёшь?

— Не, бро.

Пиздец. Совсем мозги скурил. Ладно, посмотрим, что за девочки.

Заходим на соседний от нашего дома участок. Типичная советская дача элитной интеллигенции. Деревянный дом с башенками. Окна резные. Что-то в этом есть.

В саду, сидя за большим столом, благородное семейство пьёт чай.

— Блондинка моя, — шепчет Лёха.

Ну, это мы ещё посмотрим. Для меня братского кодекса не существует. Нравится тёлочка — беру.

— Алексей, добрый вечер! С кем это вы? — Здоровается взрослая миловидная женщина.

В этот момент сёстры Ларины оборачиваются, и одна из них оказывается моей бемби.

«Итак, она звалась Татьяной».

2. Евгений-добрый мой приятель

Разминаю шею, не сводя глаз с красавицы, и усмехаюсь. Возможно, и не придётся ждать до завтра. Оленёнок сам идёт в мои лапы.

— Это Евгений, — представляет меня Лёха семейству Лариных.

Четыре пары глаз устремляются на меня. Маменька испуганно пялится на мои татуировки. Ох уж это стереотипное мышление.

— Добрый мой приятель, — заканчивает за Лексом декан-меломан.

А старик выкупает тему.

— Молодые люди, чаю? — Предлагает от безысходности тётя.

— Да мы пришли кабель попросить. Игорь Иванович, у вас нет случайно провода TRS? — спрашивает Лёха.

— Случайно есть. И не один. Сейчас принесу, а вы садитесь, — обращается ко мне, — выпейте чаю с моими девочками. Наташа испекла эклеры.

Историк выходит из-за стола и забирает Лёху с собой в дом. Чувак, зря ты меня с девочками своими оставил. Ой зря.

— Таточка, — обращается к моей лани мамаша, — принеси нашим гостям чашки, будь добра.

Девчонка вскакивает и уносится в дом. Сама не своя. Не ожидала меня увидеть. Нервничает, аж венка пульсирует. Сменила платье барышни на розовое мини. Ножки, ляжки, вся сладкая. Уже чувствую её вкус.

Сажусь специально на соседний с ней стул. Не упущу момента ляжку пощупать и шепнуть что-то провокационное.

Как же у них всё чинно-благородно. Может, моя лань целочка? Вероятно. Надо узнать, сколько лет. Меня школьницы, как Лекса, не прельщают. Ничего не умеют, стесняются. Сосут, как китайский пылесос.

Придётся всему учить. Мероприятие утомительное и долгое. Но я тут на два месяца. Почему нет? Зато чистая.

Ловлю на себе горящий взгляд второй нимфетки. Тоже хороша. Совсем другая. Солнечная. Бойкая. Нагло смотрит. Хочет меня. Малыш, я безотказный, только дай знать. Можно и на троих сообразить. Подмигиваю ей и оборачиваюсь на сад. Жду свою Татьяну.

— Евгений, — обращается ко мне Наталья Петровна, — а Вы тоже из Москвы, как Алексей?

— Да. Приехал кататься к вам в Сестрорецк и писать музыку в уединении. Будем с Лёхой флексить.

Мелкая загорается. Предвкушает.

— О-о, — впечатлительно тянет женщина, — так и Вы музыкант? В каком жанре творите?

Ебануться. В каком жанре творю. Им самим-то не тошно от этой вычурности?

— Я битмейкер. Пишу минусы для рэперов в основном. Но и поп могу, там бабла больше. От «бабла» лицо мамыши кривится. Младшая девчонка подхихикивает.

— А у меня подружка есть битмейкерка, — раздаётся сзади звонкий голосок моей бемби. Ага, значит, на крючке. Показывает, что со мной на одной волне.

— Тат, от повесточки твоей блевать тянет. Можно без феминитивов? — Пытается засадить старшую сестру Ларина младшая.

Всё ясно, метит территорию. Приятно, аж яйца сводит. Соррян, малыш, но мой Евгений сейчас хочет Татьяну.

— Знаешь анекдот про Ольгу? — Обращаюсь к младшей.

— Нет. Расскажи, — заливается победоносным румянцем девчонка, думая, что смогла меня зацепить.

— Ольга не любила феминитивы, поэтому предпочитала, чтобы её называли женщина Олег, — рассказываю, не выпуская из поля зрения обеих сестричек.

Ольга в смятении и даже злится, не оценила моего юмора, а вот старшей зашло, и она посмеивается. Да, принцесса, я тебя в обиду не дам. Если тебя кто и обидит, то это буду я.

Матушке тоже нравится. Улыбается.

— Забавно, да. Евгений, а где вы учились на музыканта? В Академии Гнесиных? — Тётя уже пробивает меня. Подхожу ли благородному семейству?

— Нигде. Сам освоил программы.

— И что же? Вам дают работу без высшего музыкального образования?

Ой блядь. Она в себе вообще?

— Мне никто работу не даёт. Я сам решаю, кому загнать минус, а кому нет.

— Загнать? — Выпучивает на меня глаза маменька.

— Продать.

— И как же вы пишете? Ну а школу-то музыкальную окончили?

— Не, бросил. Трёх классов хватило. База сольфеджио и можно играть.

— А где же вы тогда учитесь? Сколько вам лет? — Продолжает допрос с пристрастием.

— Двадцать. МГУ, экономический факультет. Тоже бросил. Времени нет.

Мамаша в ахуе. Бросил МГУ. Наверное, за столом с ними теперь сидеть не могу.

— И я хотела в МГУ поступать, — подаёт голос моя девочка, — но решила остаться в Петербурге. Родители не отпускают в Москву.

— И куда поступила? — Спрашиваю, прожигая взглядом. Сейчас и узнаем возраст. Выглядит, как подросток, конечно.

— Пока никуда. Через две недели вступительные.

Выпускница. Надеюсь, совершеннолетняя.

— Тебе восемнадцать есть? — Наклоняюсь и шепчу ей на ушко. Ещё раз вдыхаю её сладкий аромат под ошалевший взгляд мамы. Да, тётя, у меня планы на твою дочурку. Нехорошие. Ты всё правильно поняла.

— Есть, — испуганно отвечает.

Супер. Уже можно. Режим турбо активирован.

— Покажи мне лучшую шаурму на районе, — произношу деланно соблазнительным голосом.

— Шаверму, — смущённо улыбается девчонка. Всё-таки влюбилась. Что же, надо закрепить результат. — Мамуль, я покажу Евгению кебабцев?

Хуябцев тебе сейчас Евгений сам покажет, малыш.

Вроде спрашивает разрешения, но тон просто ставящий в курс. А она не такая уж и трепетная лань.

Младшая сестрица злится и метает глазами молнии. Навёл шороха. Классика. Где я, там шоу.

Тата встаёт из-за стола и смотрит на меня ожидающе. Решительная малышка. Я даже не имел в виду сейчас. Но раз она такая сговорчивая, распакуем сегодня же. По сути у нас уже третье свидание. В её головушке всё выглядит именно так, даже ломаться и сомневаться не будет.

— Татьяна, тебе ещё сегодня Геракла закончить надо, — напрягается её маман.

Ага. Художница, значит. Тонкая натура. Да, у нас союз творческий. Надо скрепить его физически.

— Мам, я не надолго. Пойдёмте? — Обращается ко мне.

Интересно, она выкатит перестанет, когда в рот возьмёт?

— Можно на ты, бемби, — следую за изящной девчонкой к выходу. — Наталья Петровна! Олечка! Приятно было познакомиться! Передайте Лёше, что я отлучился.

Мамаша в шоке, хватает воздух, как выброшенная на мель рыба. Среда бела дня дочь похитили.

— Тут недалеко, — мнётся девчонка, не знает, как себя вести.

— Просохла? — спрашиваю, нагоняя, опаляю своим дыханием. Совершенно не соблюдаю границы.

— Что? — Переспрашивает бемби, аж зрачки расширяются. Всё понимает. Притворяется.

— Фаулз твой просох? — Показываю ей, что в курсах, что она читает.

— А, да, — краснеет ещё больше. Как же забавляет. Книга просохла, малышка нет.

Заходим к нам на участок. Девчонка с интересом осматривает наш дом. Да, малыш, это твоя будущая обитель порока. Привыкай. Выебу на каждой поверхности.

— Ну что, бемби, оседлаешь моего коня? — Добиваю девчонку.

3. Незримый был уже мне мил

POV Бес

Мой олененок тушует, её огромные глазёнки распахиваются ещё больше. Моргает, всё понимает и смущается своих же мыслей.

Дэмн*. Идеальна. Отыгрывает в точь по сценарию. Что же, малыш, привыкай, что хочешь меня. Ещё несколько двусмысленных фраз, и ты свыкнешься с этой мыслью, и сегодняшний вечер не станет для тебя неожиданностью.

*Damn — чёрт возьми/проклятье (англ.)

— Оседлаю, — к моему удивлению уверенно говорит бемби и смотрит в упор.

Вот как. Интересная. Бунтует против благородного семейства, значит.

Плотоядно улыбаюсь и захожу в гараж. Выкатываю Лёхин байк, прыгаю, завожу, пространство заполняет рокот двигателя, а девчонка с испугом плясает на мотоцикл, кусая губу.

Дэмн. Евгению нравится девчонка. Её внутренний конфликт охренительно возбуждает. Взять, что ли, аскезу на шлюх.

— Ну, погнали, Татьяна! — Хлопаю ладонью по сиденью и натягиваю шлем.

— На этом? — Уточняет. Сама себе кивает и наверняка внутри ведёт с собой диалог, соглашаться или нет.

Соображай, соображай. Решайся.

— Да, малыш. Ты же не боишься?

— Не боюсь, — подходит к мотоциклу, забирает у меня шлем, быстро надевает и неловко садится за мной. Малышке некомфортно из-за мини.

Что-то там копошится, боится ко мне прижаться трусиками.

— Бемби, давай, прижмись ко мне и крепко обхвати, — бросаю через плечо.

Девочка нервно сглатывает и прислоняется ко мне. Опускаю взгляд на её руки, обвивающие меня. Вся в мурашках. Синхронизация пошла. Миссия «три свидания за раз» выполнена.

POV Tama

Мотоцикл срывается с места, и я непроизвольно вжимаюсь в Женю сильнее, прислоняюсь к его горячей спине, сцепляю руки на его твёрдом, как дерево, прессе. Божечки, даже через ткань футболки ощущаю всю греховность спортивного тела. Пожалуйста, пусть эта поездка не будет последней!

Дыхание спирает от скорости, ощущений и восторга. Страх совсем нет, есть только удовольствие, искрящееся внутри, как пузырьки лимонада. Упираюсь шлемом ему в спину и аккуратно поворачиваю голову в сторону Финского залива. Тёплый ласковый ветер нежно щекочет кожу. Как же хорошо!

Сколько раз я мечтала так прокатиться по Приморскому шоссе. И вот моя мечта сбылась. И Евгений сбылся.

Можно ли влюбиться с первого взгляда? Уверена, только с первого и возможно.

Увидела его парящим в воздухе и замерла. Свободный, как ветер. Стихия.

Музыкант, сёрфер, эрудит, москвич. Я уверена. В нём столько же энергии, сколько и в его городе. Будто вся наша размеренная спокойная жизнь в один миг всколыхнулась.

Я здесь умирала, загибалась, чахла. А с ним будто мир цветным стал, ярким, как и его татуировки.

Они вообще моя слабость. Весь его образ — точное попадание в моё представление об идеальном парне. Кажется, я себе его придумала ещё лет в тринадцать и сразу узнала, как увидела.

Светлые непослушные выгоревшие волосы, озорные голубые глаза, улыбка нахальная. Единственное, я представляла скейтера, а он кайтер. Наверняка и на скейте катает.

Вышла сегодня рано утром на Комаровский пляж, наслаждалась морским воздухом, запахом сосен и криками чаек. А Финский залив сегодня был непривычно спокойным, размеренным, и будто высшие силы меня позвали. Незаметно для себя дошла до Сестрорецка и увидела его. Как он взмывает в небо, словно птица. Достала фотоаппарат и начала снимать.

Сколько же в кайтерах смелости, силы, дерзости. Неотразимы. А он самый неотразимый. У меня не было шансов. Никаких.

Весь день не могла выкинуть его из головы. Грубый. Наглый. Но меня как бесы попутали. Ну а когда увидела его у нас в саду, сомнений не осталось — судьба.

— Бемби, — раздаётся крик моего Евгения, — плохие новости! Кажется, мы сейчас разьебёмся!

Не успеваю я испугаться до чёртиков, как мотоцикл наклоняется, входит в крутой поворот, и мы резко тормозим, аж заднее колесо поднимается, и всё это под зловещий хохот моего нового знакомого. Точно такой же, как в раздевалке.

— Первый раз? — Оборачивается на меня?

— Первый, — отвечаю на выдохе. Парень снимает шлем и смотрит на меня, будто съесть хочет.

Сердце разрывает грудную клетку. С одной стороны, я рада, что это была шутка, с другой — это жутко.

Слишком много эмоций для поездки за шавермой. Радость, что я добралась невредимой, остатки мгновенного страха, ну и впечатления от парня.

Господи, зачем я с ним пошла? Мало было днём его домогательств?

Мало

— Так ты знал, где поесть? — Спрашиваю, вручая ему шлем.

— Знал. Но хотел тебя украсть, малыш.

— Зачем?

— Ты украла моё сердце, я украл тебя. Диал*, малыш.

*Deal — сделка (англ.) сленг.

Божечки, дурацкие эти фразочки. Но из его уст это звучит приятно. Мне же не показалось, мы действительно на пляже узнали друг друга.

А в раздевалке между нами пробежала искра. Наверное, это она. А как он Олюшку на место поставил. Весь его образ — маска, и хочется разгадать его.

— Ты с курой ешь? — спрашиваю, подводя к фудтраку.

— С курой, — усмехается, — а скажи ещё что-нибудь на питерском, бемби?

Нравится его бемби. Так мило. Уже прозвище мне придумал.

— В каком плане на питерском?

— Ну, поребрики ваши, булки, гречи, что там ещё?

— Даже не знаю, — пожимаю плечами, — вроде всё.

Евгений делает заказ, и мы отходим к столику с видом на залив.

— Хорошо тут, да? С погодой повезло, — прерываю неловкое молчание и начинаю необременительную беседу.

Поднимаю на него взгляд, ожидая ответа, но тут татуированные руки толкают меня к сосне, парень вжимается следом и глотает мой вдох возмущения губами.

Долю секунд тело хотело протестовать, пока его язык не достиг цели. Божечки! Как он целуется! Я не ошиблась. Он хочет меня съесть.

Он целует с голодом. Жадно. Сладко. Прикусывает нижнюю губу и оттягивает на себя, вырывая едва слышный стон. И тут же снова накидывается, обволакивая своим вкусом и дурманя мне голову ощущениями.

Я уже чувствую головокружение и отстраняюсь.

— Хотел поцеловать тебя, пока не испортил дыхание соусом. Прости, малыш, — говорит, вдыхая аромат моих волос.

— Пренебречь, вальсируем, — говорю первое, что приходит на ум.

— Что? — Поднимает на меня взгляд, полный недоумения.

— Похуй, пляшем по-питерски, — быстро говорю и сама его целую.

Мне всё равно на проходящих мимо людей, проезжающие машины. Я узнала его и хочу познать всего. Каждый его рисунок на теле, каждую мысль.

Его руки ныряют под платье, которое меня вообще ни от чего не спасает. Они клеймят бёдра обжигающими прикосновениями. Его язык сражается с моим, одерживая победу в этой

неравной схватке. Кажется, что я сейчас упаду в обморок от нехватки воздуха, но меня приводит в чувства писк пульта, сигнализирующий о готовности шавермы.

— Малыш, сейчас приду.

Он уходит за заказом, давая мне шанс сделать вдох, привести мысли в порядок. Как ветер его подхватывает и кружит с кайтом и ведёт вдаль, так и он меня закрутил в своём эмоциональном вихре.

— Спасибо! — Беру из его рук смузи и делаю жадный глоток. Во рту всё пересохло.

— Ты очень красивая, — внезапно говорит, а я от простого комплимента взлететь готова, — но розовый стоит отдать сестре.

— Почему? — Вроде симпатичное платье. Мне все говорили, что мне идёт. Что с ним не так?

— Ты же большая девочка? Взрослая? Сама принимаешь решения?

— Да, — говорю неуверенная в своих словах.

— Тогда жду тебя в двенадцать у себя. Продолжим знакомство по-взрослому. Без платья.

4. Наука страсти нежной

POV Tama

— Ну что? — Сестра залетает ко мне в комнату. — Вы говорили обо мне? Что он спрашивал?

— Лекс? Ничего. Сказал, что ждёт нас сегодня.

— Тата, какой Лекс? Он и мне это сказал. Новенький тебя зачем утащил? Что хотел узнать? — Олюшка садится ко мне на кровать, её глаза горят блеском любопытства.

Как бесит! Мир не вокруг неё крутится. Она реально решила, что он захотел со мной поговорить о ней?

— Новенький меня утащил, потому что захотел со мной наедине пообщаться.

— Ну конечно, — закатывает свои серо-голубые глаза. — Выкладывай давай.

— Оля, — не скрываю своего раздражения. — Представь себе, бывает так, что ты не заинтересовала парня. И вообще, мы уже утром виделись и познакомились. Он обрадовался, что я оказалась его соседкой.

— Где виделись?

— В Сестрорецке. На пляже кайтеров.

— А как ты там очутилась?

— Да как-то задумалась и дошла.

— Ты задумалась на пятнадцать километров? Больная, — хватается за голову Оля. — А тебе этот Женя сказал, какой он крутой?

— Что это значит? Мы особо не говорили.

— Молча шавуху ели? — Кривится сестра.

— Можно и так сказать. Так что там?

— Короче, Лекс сказал, что он пишет биты для Ганны! И всем нашим, — сестра начинает перечислять рэперов, которых я знаю только по именам, — прикинь? Он типа звезда! Нарасхват. Я влюбилась!

Это уже третий за месяц. Быстро же она с Лекса на его друга переключилась.

— Ты же знаешь, что я такое не слушаю и не знаю никого из них. Я голову мыть. Мама до двенадцати нас только отпустила. Надо пораньше прийти к ним.

Встаю под тёплые струи воды, и у меня ощущение, что я смываю с себя прошлое. Вот так новый человек в жизни появляется, видит тебя иначе, и ты себя начинаешь ощущать совершенно по-другому.

Можно ли кардинально измениться за один день? Можно. Я только что в этом убедилась. Вышла утром из дома одна, а усну совсем другой.

Вытягиваю волосы, делаю сияющий макияж с эффектом мокрой кожи, а вот что надеть — ума не приложу.

— Оль, а дай мне, пожалуйста, свой кроп-топ из сетки, — заглядываю в комнату к сестре.

— Ого, вот это метаморфозы. Сама возьми, — сестра валяется в кровати и вообще не собрана.

— А ты чего не идёшь?

— Месячные. Живот болит, — надувает щёки и накрывается одеялом с головой. Мне же лучше. Полная свобода.

Удовлетворённая своим образом спускаюсь вниз.

— Это что за вид, Тата? — Мама застывает с бокалом вина.

— Наташ, ко мне студенты так даже на пары ходят, а Таточка идёт на вечеринку. Кстати, дочь, негоже в гости с пустыми руками, пойдём.

Папа встаёт из-за стола и ведёт меня в библиотеку.

Вот кто кто, а папа, видимо, доволен, что у нас круг общения расширился.

Он открывает свой бар и достаёт бутылку коньяка.

— Пап, да зачем?

— Бери. Рэперы любят Hennessy.

— Откуда ты знаешь?

Я одна что ли вообще этим всем не интересуюсь?

— Ну как же? "Weed and Hennessy", — начинает папа напевать какой-то односложный мотивчик и качать головой в такт, — твой старик сечёт.

— Ясно. Спасибо!

Вечно папа молодится и пытается влиться в текущее поколение. Видимо, так и налаживает контакт со своими студентами.

— Тата, в двенадцать чтобы была дома! Я не лягу! Проверю! — Кричит мама.

Бегу со своего участка, будто меня сейчас остановят и скажут, что передумали, и только оказавшись за забором ощущаю свободу. Как тогда на мотоцикле. Хочется вырваться от них и свалить навсегда.

Может отправить всё-таки заявление и документы в МГУ? Ещё есть время.

Захожу на территорию и вижу Женю с Лёшей у гриля.

— Малыш! — Машет мне Евгений, — иди сюда.

Расплываюсь в улыбке и иду скорее к ним. Даже ноги заплетаются от счастья. Оказывается, он ещё и какой-то очень востребованный музыкант, и я ему нравлюсь. Он рад меня видеть. Никто особо на меня внимания никогда не обращал, а я и не переживала, знала, что он появится.

— Это вам папа передал, — протягиваю бутылку Лёше.

— Твой батя лучший! Надо было и его позвать.

— О, — смеюсь от представленной картины, — мою маму бы схватил инфаркт.

— Малыш, ты рано, — откидывает мою копну волос Женья сзади и шепчет, щекоча дыханием.

— Мама только до двенадцати отпустила.

— Тогда не будем терять времени, пошли, — Женья хватается за руку и тянет за собой в дом.

У них тут настоящая холостяцкая берлога. Всё серо-бело-чёрное, строгое, грубое. Везде какая-то их техника и упаковки из-под чипсов и колы.

— Может вам помочь убратся?

— Малыш, забей. Пойдём я тебе свою студию покажу. Я только всё разобрал и настроил. Мы поднимаемся по стеклянной лестнице на второй этаж, и Женья заводит меня в тёмно-серую небольшую комнату. Жалюзи наглухо закрыты. Свет идёт только от неоновых светильников с разными надписями и приколами.

— Как тут классно. Значит, здесь ты творишь?

— Да, бемби, — плюхается на кресло за компьютером и синтезатором и хлопает себя по колену, приглашая меня.

Божечки, он уже ведёт себя со мной, как со своей девушкой.

— Сыграешь мне что-нибудь своё?

— Включу, — Женья целует мне плечи, и хоть меня от его губ разделяет сетка, по всему телу пробегает волна дрожи, — я написал это за пятнадцать минут, когда вернулся домой. Ты теперь моя муза, малыш.

Разве можно услышать что-то приятнее в своей жизни? Я его муза! С ума сойти.

Он надевает на меня большие студийные наушники и включает музыку, которую написал для меня.

У меня нет слов. Поверить не могу. Эта нежная, трепетная мелодия из-за меня. Фортепиано и редкие аккорды на гитаре растворяются в незнакомых мне электронных звуках и басах.

— Ты правда написал это сейчас? — Снимаю наушники и не могу скрыть улыбку.

— Да. Нравится? — Разворачивает мой корпус к себе и обхватывает лицо.

— Очень! У меня слов нет! Так нежно. Колокольчики какие-то.

Женя ухмыляется и в ту же секунду берёт в плен мои губы. Наполняет меня вкусом колы и мармеладов. Какой же он особенный, неповторимый.

— Какая ты, такой и бит, — отстраняется, но не перестаёт гладить, — думаю, ты меня вдохновишь на много битов.

— Какой ты крутой! Это же что-то волшебное. В голове не укладывается, как можно взять и написать музыку.

— Но недостаточно крут для твоих родителей. Они приняли меня за маргинала. Они тебя представляют рядом совершенно с другим человеком, — смотрит на меня с грустью.

Так за маму стыдно становится. Он же еще совсем молодой, а такой успешный в своей области. Ну и что, что он бросил универ. Да даже если его отчислили, всегда можно восстановиться. Для чего было показывать своё «фи»? Так неудобно, как будто это я показала своё пренебрежение, а не она.

— Нет, перестань. Она просто ничего не понимает, — провожу рукой по его волосам.

— Да всё правильно она понимает. Я не подхожу тебе.

Чувство вины из-за мамы угнетает, но, с другой стороны, если его это заботит, значит, у него уже есть чувства. Музыка, мама, уязвлённость. Он влюбился. А это заставляет порхать.

— Мне плевать на её мнение. У меня есть своё.

— И какое?

— Что ты самый лучший и самый подходящий. И самый талантливый, — смущённо говорю.

— Моя муза, — подпрыгивает ко мне и целует теперь невероятно нежно, бережливо, едва касаясь, — пойдём встречать наших гостей, малыш.

Наших? Он сказал «наших»?

Внизу уже веселье в самом разгаре. Лёха стоит за пультом, дом полон народу, повсюду смех, танцы и оживлённые разговоры.

Мы со всеми знакомимся, Женя представляет меня всем как свою девочку и не выпускает из объятий. Он всегда меня либо обнимает, либо держит за руку. Я замечаю взгляды других девушек на него, но он ясно даёт понять, что мы вместе.

Оля бы с ума сошла, если увидела.

Мы пьём из одних бокалов, постоянно целуемся, танцуем. Я не могу оторваться от него. Его взгляд сводит с ума. Наглый и сладострастный и одновременно нежный.

Каждое его движение, прикосновение разжигают во мне огонь. Он даже дыханием меня распаляет. Когда мы танцуем, рядом никого нет, только я и он. А все остальные просто реквизит. Крышеснос.

Он поворачивает меня к себе спиной и за живот вдавливая в себя. Наши бедра двигаются в такт движовому треку Лекса. Я явно ощущаю его внушительное возбуждение, и меня от этого ведёт еще больше. Как будто он создан, чтобы меня искушать.

— Малыш, — шепчет на ухо, задевая языком и запуская табун мурашек, — у тебя телефон вибрирует.

Проверяю. Мама. Без пяти двенадцать.

— Мне пора, — произношу с болью в голосе. Грустно осознавать, что лучший день в моей жизни подходит к концу.

— Малыш, — наклоняется ко мне и шепчет в губы, — дождись, когда все уснут, и сбеги ко мне.

— Сбежать? — Точно! Как же я сама до этого не додумалась. Моя спальня на первом этаже, я просто вылезу в окно и всё.

— Да. Я буду ждать. Очень-очень, — вжимает меня резко в себя, и мне в живот упирается его достоинство.

— Сбегу! — Смеюсь. Дэмн, да! Я сбегу к нему! И буду убегать каждую ночь, надо будет, и в Москву убегу. Сейчас же документы подам.

Выхожу из дома и резко оказываюсь в другой реальности. Из дома не доносится ни звука. Только сквозь панорамные окна видна отвязная вечеринка. Мама даже представить себе не может, что там творится. Она бы решила, что у нас оргия. Ха!

Возвращаюсь домой и прохожу тщательный контроль. Мама меня обнюхивает и спрашивает, не позволила ли я себе больше положенного. Абсурд. Бокал вина можно, а два нет. Видела бы она, как я пила коньяк с Женей из горла.

Приходится сесть пить чай и вести с ней беседы. Рассказываю, кто там был, и подробно описываю дом. Остальные подробности ей знать не нужно.

Наконец, спустя сорок минут мама уходит.

Жду в комнате ещё двадцать минут и вылезая в окно. Приходится красться по самому периметру забора, чтобы меня вдруг что не увидели.

Выбегаю за территорию и сразу забегаю к ребятам, вдруг соседи увидят и маме доложат. С заднего участка доносятся голоса, иду на них и в зарослях пампасной травы врезаюсь в кого-то.

— Оля? Ты что здесь делаешь? — Узнаю сестру.

— Отвянь! — отталкивает меня сестра и убегает с участка. Лицо красное, голос заплаканный. Она вся заведённая. Лекс что ли обидел?

Как она тут оказалась? Сбежала, пока я с мамой чаи гоняла? Хитрая лиса. Прохожу дальше и встречаюсь с Лёшей.

— Привет! А что с Олей? Вы поссорились? Почему она заплаканная в кустах?

— С Олей? — Удивлённо спрашивает, — я её не видел. Она сказала, что не придёт.

Что-то очень странное. Ладно, не моё дело.

— А где Женя?

— В доме поищи.

Я прохожу к террасной двери, через которую и покинула этот дом, и не верю своим глазам. Моргаю несколько раз, но картинка не исчезает. Сердце уходит в пятки. Во рту пересыхает, а в голове гудит. Я не могу сдвинуться с места.

Мне явно видно через огромные окна, как мой Женя грубо трахает на барной стойке какую-то девицу.

5. Чем меньше женщину мы любим

POV Бес

— Жень, — зовёт меня незнакомка, натягивая свои трусики, — добавь меня в друзья.

— Зачем? — Пью воду и даже не удосуживаюсь на неё взглянуть.

— Ну как? Мы разве не друзья? — Произносит, как ей кажется, соблазнительным тоном.

Все так хотят зацепить, но эта сука на один раз. Просто слив.

— Мм. Нет, не друзья. Что ты хочешь от меня? Понять не могу? — Смотрю на неё презренно.

— Просто чтобы ты добавил меня. Пообщаемся, сходим куда-нибудь. Ты же здесь на всё лето? — Заискивает девушка.

— Малыш, просто свали!

Как же бесят эти навязчивые тёлки. Я ничего не обещал, ничего не просил. Повелась, дала, ну и всё. Люблю девочек с таблетками, но после

Беру пачку сигарет и выхожу на участок. Заебись. Обожаю запах хвои. Как дома, только ещё явственней. Единственно, светло, как днём. Я люблю ночь, ночь — время творца, но сейчас чувствую, что готов встать и пойти ебашить. Настрой пиздатый.

Делаю глубокую затяжку и залипаю на кроны сосен.

Хорошо, что приехал. Всё складывается даже лучше, чем предполагал. Дом охуенный, новые люди, а главное, моих рядом нет.

— Бес, там Таня вся в слезах убежала с участка. Чо за приколы? — Падает рядом со мной Лекс.

— Малышка всё-таки вернулась? — Уточняю. Анализирую.

— Да и сразу же убежала, дико расстроенная. И Оля тоже, по её словам, но свою я не видел.

Ха. Обе Ларины видели шоу. Выбил страйк.

— Значит, увидела, как я ебал ту блонди с рукавами портячными.

— В смысле? — Зависает Лекс, — ты же сказал, что тебе девчонка дико зашла, весь вечер от неё не отходил, а потом трахнул Вику?

— Вику, Лику, Нику поебать. Но да, как-то так.

— Типа всё? Тебе старшая Ларина не нужна? Там Флай про неё тоже спрашивал.

— Чел, Тата пиздец мне нужна. Она теперь моя муза. На, зацени бит, — врубаю с трубы Лехе минус, — за пятнадцать минут накатал. Охуенно вышло.

— Ровно, да. Хай-хэты нравятся. Семпл бы какой-нибудь ещё заебашить.*

**Хай-хэты-звуки педальных барабанов. Семпл-небольшой музыкальный отрывок другого музыкального произведения.*

— У меня есть идея. Как раз моя бемби в этом поможет.

— Жень, я допереть не могу, ты ебанутый? Нахуя тогда её слил? Ей же больно.

— Бля, чел, ты не врубаешься. Она на крючке. Завтра меня простит, и всё круто будет. Отвечаю.

— Ты молли сожрал? Она плакала, видела тебя с другой. Это лажа, Жэн. Не простит. Без вариантов, — врубает паничку Лекс. Такой он омежка*, конечно.

**Омежка-слабый самец (сленг)*

Не понимает, что женщина — это ресурс. Какие-то ценные, какие-то нет, но не более. Он же вечно очаровывается, потом разочаровывается, и так по кругу. То апатия и играть не может, то сливается, потому что очередной девочке его не хватает.

— Чем меньше женщину мы любим, Лёша, тем легче нравимся мы ей. Она залипла. А завтра ей будет ещё вкуснее, — ухмыляюсь, предвкушая её эмоции, затягиваюсь напоследок, тушу бычок и вышвыриваю в урну.

— Бред, бро. Ещё и отношения с соседом испортишь мне. Иваныч зачетный тип. Давай поосторожнее.

— Да, точно. Иваныч, — осеняет меня, где я мог проколоться. — Она же папина дочка. Спасибо, Лекс, подсобил. Я погнал писать. Моя муза меня зарядила. И офферов до хуя.

**Offer — деловое предложение (англ.)*

— И что они в тебе все находят, — затягивается Лекс, — как помешанные

Пусть этот вопрос останется риторическим. Возвращаюсь в дом, чувак меня утомил, надо садиться за работу.

В студии витает сладкий аромат бемби, закрываю глаза, и в голове сразу возникает образ девочки. Блядь, это платье барышни нереально впирает. А волосы, глаза. Хороший квест.

Она мне нужна. Надо крепко привязать и действовать осторожно, поэтапно, чтобы не соскочила. С папиными дочками сложнее, но и намного интереснее.

Врубаю прогу и начинаю наигрывать на медиа-клаве новый минус. Пушка. Супер ресурсная девочка, я такими темпами за три месяца выдам годовой объём материала.

Давно так легко не писал. Раскачивает пиздец. Разъёб просто.

6. Тем легче нравимся мы ей

POV Tama

На часах шесть, я так и не смогла сомкнуть глаз. Как бы хотелось уснуть, проснуться и понять, что это всё был длинный сон.

В голове не укладывается. Ну не может же так быть. Не может человек себя так вести. Зачем? Ничего понять не могу.

Хочется внушить себе, что я придумала, мне показалось, что это алкоголь, белка. Но нет. Явно видела. Стояла и смотрела на это порно за стеклом.

Его выражение лица, её

Колочу подушку, чтобы этот образ выгнать из раскаляющейся головы.

Выпиваю третью таблетку парацетамола и встаю. В зеркало на себя лучше не смотреть, я на ощупь чувствую свои распухшие глаза.

Надо уйти из дома, пока никто не проснулся. Не хочу, чтобы Оля всё поняла. Хотя у неё там своя какая-то драма. А может, и она Женю видела. Не случайно же она пошла к ним в тот момент, когда я была дома.

Всегда нужна игрушка, как у старшей. Ох, сестрёнка...

Собираю сумку на весь день, скажу, что фотографировала, выбираю самые большие солнечные очки и тщательно душусь.

Его запаха не осталось. Всё. Направо даже голову не поверну. Нет их. Той стороны даже не существует. И папу попрошу этого Лёшу послать вежливо.

Выхожу на утреннюю прохладу и вдыхаю полной грудью. Наверное, не зря раньше все ездили в здравницы дышать и на воды. Есть в нём что-то исцеляющее.

Чем ближе подхожу к заливу, тем явственнее ощущаю морской воздух, и становится ещё лучше.

Что я там себе вчера выдумала? Что я теперь новая? А я действительно новой буду и пойду болтать с барменом, как в кино. И изливать ему душу.

Снимаю кроксы и захожу в ледяную воду. Холодно дико, но голова говорит спасибо. Теперь я понимаю тех, кто в прорубь с похмелья ныряет.

Да, это определённо лучше, чем не выходить из комнаты, по совету Бродского.

Погрузившись в свои переживания, даже не замечаю, как дохожу до «Дель Мара».

Поднимаюсь с пляжа в заведение и сразу направляюсь к барной стойке.

— О, не рано ты? — Смотрит на часы бармен Миша, которого я знаю, кажется, всю жизнь.

Он студент моего папы и всегда лично выходит к нему, когда мы здесь ужинаем.

А на мой день рождения он замешал мне мой первый коктейль. К кому ещё прийти поплакаться в жилетку, если не ему?

— Привет! Не смогла уснуть, хочу «Маргариту» со страчателлой и коктейль, чтобы избавил от похмелья и помог забыть ужасно классного парня. Или скорее охрененно ужасного.

— Таня! Я же тебе совсем недавно милкшейки готовил. Время, остановись.

— Замешаешь? — Смотрю на него с надеждой.

— Желание клиента — закон, — он принимается за готовку и одновременно кричит официантке, что мне нужна пицца, — а теперь выкладывай, — ставит бокал передо мной. И я рассказываю. Всё.

— Гондон, штопанный гондон!

— Мне бы причину, Миш, — мешаю трубочкой густую массу и пытаюсь понять.

— Никаких причин. Долбоёб обыкновенный. Забудь и всё. И ноль реакции ему. Даже наших обсуждений не стоит. Миша достаёт из-под стола стопку и чокается со мной, — на хуй москвичей!

— К чёрту! — Чокаюсь с ним.

После коктейля с пиццей и баскского чизкейка с кофе арендую себе лежак и иду загорать. Настроение чуть-чуть поднимается со дна.

У всех питербуржцев есть странное чувство вины в солнечные тёплые дни. Будто если мы проведём такой день непродуктивно, совершим преступление.

А что может быть продуктивнее балтийского загара? Ничего.

Заодно и «Волхва» дочитаю.

С каждым часом на пляж высыпает всё больше людей, самые смелые даже купаются.

На часах только двенадцать, а я уже почти дочитала книгу.

Откладываю её и переворачиваюсь на живот. Смотрю на голубое небо и практически медитирую. Мыслей не осталось. Только голубое небо и я.

Прикрываю глаза и начинаю проваливаться в сон, как чувствую чьё-то присутствие. Открываю глаза — он.

Что. Он. Тут. Делает. Блядь.

Тело начинает дрожать, как при сильной лихорадке.

Резко сажусь и прикрываюсь своей рубашкой. Но застегнуть её не могу, пальцы не слушаются. Но даже так одежда хоть какой-то барьер создаёт.

— Бемби, — нахально улыбается и тянет за верёвочку на бикини.

— Руки убрал, — шлёпаю его по кисти, а саму как разрядом прошибает.

— Ой. Как грубо для хорошей девочки, — манерно надувает губки.

— Ты ещё не слышал грубо. Что тебе нужно?

— Малыш, ты чего? — Начинает гладить мне ногу, — я тебя обидел чем-то?

— Обидел? Да нет. Просто трахнул какую-то шлюху на моих глазах.

Он даже не меняется в выражении лица. Ноль подвижек. Всё также смотрит на меня щенячьим взглядом.

— Малыш, — его рука скользит вверх по бедру, — ты сама и ответила на свою претензию. Просто. Трахнул. Шлюху. Это ничего не значит. Кто она? Никто.

— Что это значит?

— Что моя муза не должна забивать себе голову такой ерундой.

— Ерундой?

— Да, малыш, — он соскальзывает с шезлонга на песок и приникает губами к моим икрам, продолжая руками ласкать бедра. — Ты моя муза. Моё вдохновение. Моя прекрасная женщина. Ты особенная, бемби. Не ставь себя с ними в один ряд.

— Почему?

— Потому что ты выше всех их вместе взятых. И даже не осознаёшь, насколько ты особенная. Малыш, просто послушай. Я всю ночь писал. Ты меня зажгла. Я отправил бит своему типу, рассказал о тебе, у нас уже трек почти готов.

Женя не даёт мне опомниться, вынимает у меня из ушей мои эйрподсы. От его касания к ушам бегут мурашки и пересыхает во рту. Надевает свои накладные эйрподс макс и включает вчерашний минус.

Он стал оформленным, уже не сырой.

Отвожу взгляд от Жени и смотрю на залив. Не понимаю, зачем мне слушать его бит. Наверняка он каждой шлюхе его врубает и говорит, что специально для неё написал.

«Она читает Фаулза, поставила всех остальных на паузу» — звучит в ушах голос дико популярного рэпера. Оля с ума по нему сходит.

Слушаю дальше и не совсем понимаю его манеру чтения. Вроде на русском читает, а я ни слова разобрать не могу. Но то, что этот трек для меня, сомнений нет. Что творит?!

— Ты серьёзно? Это для меня? — Снимаю наушники и отдаю ему их.

— Бемби, — улыбается и обхватывает меня за талию, — ну конечно, для тебя, глупенькая. Нравится?

Ответ очевиден. Да! Блин, да! Ощущение, что я взрываю вверх со дна. Аж голова кружится. Дрожь не проходит.

— Бес, — подходит к нам Лекс, — привет, Тат! Всё хорошо? Бес, пойдём, у меня сет сейчас начнётся.

Чёрт, точно. Он же здесь каждую субботу играет. А я и забыла.

Значит, он меня не искал. Сама нашлась. Это осознание вызывает неприятные чувства.

— Иду, бро. Только подожду свою девочку. Малыш, собирайся. Пойдём. Хочу потанцевать с тобой.

— Я не пойду, — отказываюсь. Нет. Нет. Это всё ерунда. Миша сказал его слать далеко. Не пойду.

— Малыш, — он дёргается, и я даже не успеваю отреагировать, как оказываюсь у него на коленях, — ты особенная. Не забывай никогда, пожалуйста! И не становись тривиальной! Ты же муза!

Женя смотрит на меня, как на самое прекрасное создание, и мучительно медленно приближается к моим губам.

7. И тем её вернее губим

POV Tama

Мы не можем друг от друга оторваться. Он целует так, что я забываю, где я и кто я. С ним какой-то особый, запредельный уровень кайфа. Он вылизывает мой рот, как самый вкусный десерт в его жизни, а он стопроцентно лучший в моей.

Всё настолько круто, что аж распирает. Единственное, что меня сейчас может от него оторвать, это желание закричать от счастья. На весь клуб, на весь пляж, на весь Питер, чёрт возьми.

Я задыхаюсь от эмоций, меня распирает от счастья. Кажется, что я вот-вот взлечу.

Хочется, чтобы этот миг никогда не заканчивался, чтобы он непрерывно меня целовал так. Чувственно, то усиливая, то ослабляя напор. Дразня, лаская и дурманя. С ума сойти, как хорошо. И как вкусно, вкус колы и мармеладных мишек есть и сегодня.

Мы уже лежим на моём шезлонге, абсолютно забив на все приличия. Нам так хорошо, что мне плевать, что каждый сотрудник этого заведения знает меня с детства и что на соседних лежаках могут быть наши соседи и знакомые. Я в моменте.

Наши руки нетерпеливо кружат по телам, изучая друг друга. Я до этого не понимала, как может быть настолько хорошо с человеком. Как может настолько дурманить рассудок чей-то запах, голос, руки, вкус, губы. Безумие, абсолютное.

— Бемби, слышишь? — Смачно разрывает поцелуй Женя и показывает пальцем в воздух, — пошли.

Пока он встает и поправляет мне волосы и одежду, я пытаюсь сконцентрироваться на окружающем мире и понять, что я должна услышать. Чайки? Море? Музыка?

Музыка. Это его минус. Звучит немного иначе, но это он, я ни с чем его теперь не спутаю.

— Ты дал его Лексу? — Спрашиваю, пока он тянет меня в эпицентр веселья.

— Да, — подмигивает мне, наспех чмокает в губы, забегает к Лёше за стойку и встаёт рядом с ним за диджейским пультом.

Когда я оказываюсь одна, я наконец могу оценить обстановку. Сегодня в "Дель-Мар" аншлаг, ощущение, что мы не в Комарово, а на Миконесе. Весёлая толпа красивых девушек и парней в бикини и плавках зажигательно танцует под Лёхин микс. Микс трека, который написали мне. С ума сойти.

Женя с Лёшей качают народ и всем своим видом зажигают посетителей ещё больше. А на меня всеобщее веселье и внутреннее состояние оказывает эффект, сравнимый с алкоголем. Ритм завладевает моим телом, и я отпускаю себя. Женя игриво улыбается и не сводит с меня глаз.

И я танцую для него, толпа снова исчезает, и для меня существует только он. Его дерзкий взгляд и самодовольная улыбка.

Трек заканчивается под гул толпы.

— Хэй-хэй, народ! Вижу, вам зашел наш свежий релиз. Мы его всю ночь сводили с моим хоуми Женей. Я думаю, вы его все знаете. Это тот самый Би Джи Эс.

Я уже не слышу, что он говорит дальше, потому что Жене все начинают аплодировать и кричать. Они реально его знают? Всего-то три буквы звучит в начале многих популярных треков. От чего такая известность?

Вижу, как он упивается вниманием, и меня самую начинает распирает от гордости. Не понимаю почему, но ощущение, что его успех и признание — теперь мой смысл.

— Дэмн, гайз, вы такие крутые! От души! Обнимаю каждого, — благодарит Женя публику, — Вы нереальные! Финка вышак! Сейнт Пи one love! Я вчера влюбился в ваш курорт с первых минут, это топчик! И девочки у вас топчик. Нашел здесь себе музу, влюбился за минуту и написал этот трек за пятнадцать! Тата, малыш, всё для тебя!

Женя посылает мне воздушный поцелуй.

Мне это не снится? Серьёзно? Божечки! Меня не покидает ощущение, что я с бешеной скоростью мчусь по рельсам куда-то в открытый космос.

Смущённо улыбаюсь и прикрываю ладонями лицо. Меня сейчас просто разорвёт от эйфории. Тело снова начинает подрагивать от обилия эмоций, еле держусь на ногах.

Слышу, как опять начинается сет, а меня обнимает Женя, давая опору.

— Думаю, теперь мы можем сбежать, — шепчет он мне на ухо.

— Ты не будешь играть?

— Нет, малыш. Это сет Лекса. Я больше не нужен. Или хочешь потанцевать? — Женя разворачивает меня и вжимает в себя.

От его близости меня снова накрывает неопишуемой эйфорией, и мы начинаем танцевать, сплетаясь друг с другом.

У меня замирает сердце, когда при очередной волне я явно чувствую внутренней стороной бедра его внушительную эрекцию, проступающую через шорты.

Весь вчерашний день проносится перед глазами и больно бьёт под дых своим финалом. Мысли вступают в конфронтацию. Одна половина меня борется за счастье и эти безумные эмоции, а вторая призывает остыть и включить разум.

Женя замечает моё смятение и тянет за руку в сторону террасы. У меня нет сил сопротивляться. Я не понимаю, что со мной. Почему в один момент меня так переключило, и я уже не могу беззаботно наслаждаться танцами.

— Малыш, что случилось? — Обхватывает моё лицо ладонями и обеспокоенно заглядывает в глаза, нависая сверху.

— Вчера случилось. Вспомнила тебя, блондинку с татуировками. Блядь, я же к тебе сбежала. Меня не было чуть больше часа, — начинаю всхлипывать и задыхаться.

Как я пять минут назад не могла справиться с эйфорией, сейчас не могу справиться с досадой. И я не понимаю, почему мне хочется пожаловаться на него ему же самому. Бред. Что за бред?

Да это унизительно, в конце концов. Пытаюсь взять себя в руки, вспомнить Мишины наставления, но четко осознаю, что единственное, что я сейчас хочу, это внятное объяснение. Такое, чтобы у меня снова было право наслаждаться и верить. Мозг отчаянно хочет вернуться в то состояние, где мне было безумно хорошо. Меня начинает колотить ещё сильнее, несмотря на жару мне холодно, обхватываю себя руками и раскачиваюсь из стороны в сторону.

Почему мне настолько важно выстроить отношения с этим парнем? Да я же знаю его сутки. Почему? Очень страшно от осознания влияния, которое он на меня уже оказывает. А еще страшнее от того, что я прекрасно понимаю, что не в силах ему противостоять. Мало того, я хочу этого влияния, жутко хочу. Как будто это всё, что мне нужно.

— Малыш, — Женя усаживает меня на шезлонг и садится передо мной на колени, смотрит снизу вверх с мольбой, — малыш, блядь, я так накосячил. Это всё молли, это не я. Это ничего не значит. Я так тебя ждал, каждую минуту смотрел в окно, а потом меня убило. Прости! Это больше не повторится. Никакого допинга больше, обещаю. Мне ничего не нужно. Мне никто не нужен. Ты меня впираешь куда больше.

Женя ласково целует мне ноги и смотрит с раскаянием.

— Ты мне веришь? Скажи, что веришь!

Женя хаотично целует мне ноги и требует сказать, что я ему верю.

Он меня пугает своей настойчивостью и одержимостью с которой он повторяет одно и то же. Будто это самое важное для него сейчас в жизни.

Мне становится больно и стыдно от того, что я его довела до такого состояния. Я же его уже простила, всё было хорошо. Это мои проблемы, что меня что-то спровоцировало и я откатилась. Я не имела права так делать. Дала ему ложную надежду, получается, а потом снова его обвинила. А теперь он так переживает.

— Жень. Жень! Я верю! Верю! Прости меня!

— Малыш, правда? — Он поднимает на меня голову и смотрит с надеждой.

— Да! Иди ко мне, — улыбаюсь ему и уже жажду его губы и вкус колы и харибо.

Женя целует меня с утробным звуком, как будто я ему нужна, как воздух. Зарываюсь в его выгоревшие волосы и чувствую, как по кончикам пальцев пробегает волны эйфории и жар. Да Снова это чувство. Вернулось. С новой силой. Задыхаюсь от эмоций, от его пылкого поцелуя. Сердце стучит, как после забега, и я снова куда-то лечу.

— Малыш, давай сбежим? — Встаёт Женя и тянет меня за собой, а его взгляд мне обещает незабываемые моменты.

8. Средь обольстительных сетей

POV Тата

— Давай! — Закусываю губу, щурюсь на солнце и отчаянно киваю головой. Безумно хочу с ним сбежать. Не хочу его делить ни с кем. Это наш день.

— У тебя вещи какие-то были, я тебя на парковке подожду, — говорит Женя, обхватив моё лицо ладонями.

А я с ним не то что о вещах своих забыла, я даже не помню, как здесь оказалась.

Выбегаю на террасу, собираюсь и выхожу из ресторана. На парковке много машин, и какая из них его, я не знаю.

Стою растерянная у входа и ищу его глазами.

Ко мне бесшумно подъезжает ярко-жёлтая машина, на фарах которой пробегают строка «Bambi taxi».

Начинаю смеяться. Не может быть! Мне чудится? Что это за фокусы? Женя игриво библикает, и я сажусь к нему в салон.

— Как ты это сделал? Кааак? — Восторгаюсь и осматриваюсь. У него даже машина такая же яркая и удивительная.

— Высокие технологии, малыш, — смеётся Женя, — погнались?

— Погнались. А куда? К тебе?

— Бемби, — с порицанием качает головой, — какая ты нетерпеливая. Ко мне успеем, хочу одно интересное место показать тебе. Хотя ты, наверное, там была.

— Какое?

— Болото. Бемби же любит природу? — Женя неотрывно смотрит на меня и выезжает на шоссе. Кажется, что его, кроме меня, сейчас вообще ничего не интересует, и эта взаимность безумно окрыляет.

— Любит, — довольная подтверждаю его предположение. — Я там не была, кстати. Никто со мной не хочет по эко-тропам бродить. Как ты узнал, что я туда хотела бы?

Реально фокусник, волшебник. Из ничего создаёт музыку, на фарах пишет моё имя, знает наперёд, чего я хочу. Разве так бывает?

— Я не знал, просто чувствую тебя, чувствую, что ты сейчас очень напряженная, возбуждённая, тебе нужно заземлиться. У нас же особая связь. Понимаешь?

— Кажется, да, — соглашаюсь. Он прав во всём. Мне действительно нужно немного успокоиться и расслабиться, — покажи, как писать на фарах. А нарисовать что-то можно?

— Можно, малыш.

Всю дорогу до эко-тропы мы хулиганим и пишем всякую ерунду. У меня буквально только что сбылась моя мечта. Я дурачусь с парнем, и мне фантастически хорошо от этого.

Мы идём по лесу к болоту, держась за руки, и молчим, наслаждаемся спокойствием и умиротворением.

Сегодня так жарко, что здесь практически нет людей, только изредка встречаются пенсионеры, собирающие лечебные растения.

Конечная точка тропы — смотровая терраса посередине болота. На ней сейчас никого, только мы. Я сажусь на перила и болтаю ногами, рассматриваю ядовитые травы, о которых читала на постерах ранее.

— Странная тут атмосфера, тебе не кажется? — Спрашивает Женя.

— Не знаю, вроде поле как поле. Не кажется, что оно таит в себе опасность. Интересно, тут тонул кто-то?

Женя не отвечает мне и достаёт из кармана странный предмет, подносит к губам и начинает играть что-то шаманское.

Музыка разносится по всей долине, и это настолько странно и завораживающе одновременно, что я даже не понимаю, что чувствую.

Просто слушаю его и внимательно слежу за каждым движением, он будто вообще не со мной сейчас, а в своих особых музыкальных мирах.

Какой же он необычный. Я никого подобного не встречала. Сколько же он таит в себе за этой яркой оболочкой.

А папа был бы вообще в полнейшем восторге от такого концерта.

Достаю фотоаппарат и делаю несколько его портретов. Не терпится проявить и посмотреть, что вышло. Он абсолютно прекрасен, когда занят своим делом.

— Что это за инструмент? — Спрашиваю, когда он прерывается. За эти пять, десять, а может и тридцать минут я будто в какой-то транс вошла.

— Варган, хотел тебе поиграть, понравилось? — Хитро смотрит на меня и медленно приближается.

— Ага. Даже словами передать не могу, что чувствую, — ногами притягиваю к себе Женю и обвиваю его. Вдыхаю его аромат, и настроение ещё больше поднимается.

А когда он меня целует, у меня в голове продолжает играть его музыка, погружающая в транс, и я от переполняющих ощущений будто в другую реальность улетаю.

— Малыш, — шепчет мне в ухо, — у меня галлюцинации или там вдалеке за дымкой башня Суарона какая-то.

— Где? — оборачиваюсь, — ааа. Да это же Лахта отсюда виднеется.

— Что это?

— Небоскрёб Газпрома на Приме. В приморском районе, — исправляюсь. — Ты давно в Питере не был?

— Да был зимой. Как-то не замечал. Даже не знал.

— А сейчас, когда ехал, тоже не видел?

— Не видел. Дэмн, очень круто выглядит отсюда. Может, стоняем?

— Поехали. Проведу тебе экскурсию. Только мне надо переодеться.

Мне так не терпится Жене показать Лахту, что я чуть ли не бегом возвращаюсь к парковке. Наконец-то и я его чем-то смогла удивить.

Мы быстро доезжаем до нас и идём переодеваться. У меня с ним будет настоящее свидание, поверить не могу.

Забегаю к себе на участок, все обедают в саду.

— Тата! — зовёт меня мама. — Ты где была? Ты почему к телефону не подходишь? Мы чуть с ума не сошли, тебя с самого утра нет.

— Мам, я же написала, что пойду фотографировать.

— Рано утром, а сейчас уже четыре часа!

— Телефон сел, — говорю первое, что приходит на ум.

— Следи за зарядкой, Татуль. Мама очень переживала, — мягко говорит папа.

— Хорошо, пап.

— Садись за стол давай, — строго говорит мама.

— А нет, спасибо. Я только переоденусь и уезжаю.

— Не поняла, — округляет мама глаза. В её тоне звучит недоумение. — Куда это ты собралась?

— Женя попросил показать ему Лахту.

— Всё. Закончились твои гулянки. У тебя вступительные на носу. Садись за стол, пообедаешь и пойдёшь заниматься, — безапелляционно заявляет мама, чем безумно радует Олюшку.

Понимаю, что спорить сейчас бесполезно, и послушно выполняю требование.

— Тебе мало было вчера? Опять как собачонка побежала с ним? — наклоняется Оля ко мне и шепчет, как змея.

— Ты ничего не понимаешь, — не реагирую на её яд. Завидует.

Он, наверное, меня уже ждёт, а я здесь сижу и даже написать ему не могу. С каждой минутой начинаю нервничать, а родители вообще не собираются закругляться.

— Пап, — решаю разрядить обстановку, — а Женя играет на варгане. Это так круто!

— Много ума не надо играть на гармошке. Лучше бы институт окончил, — портит всё мама.

— Наташ, — успокаивает её папа, поглаживая по руке, — классный парень. Творческий, успешный. Всё он успеет. Не дурак.

— Очень классный оболтус! И нашей мозги пудрит. Ей заниматься надо, а она шляется не пойми где. Наслушается его и пойдёт в модели или фотографии, а не архитекторы.

Всё ясно, ещё и Оля наверняка масла в огонь подлила.

— Он не оболтус. Он целыми днями работает. За его битами в очереди по несколько месяцев стоят, — начинаю его защищать.

— Прекрасно. А за твоими фотографиями и картинами никто нигде не стоит. Тебе надо поступить в университет. Поэтому собери тарелки и иди заниматься.

— Мам! Я готова к экзаменам! Я три года одно и то же отрабатываю. Пожалуйста, можно я поеду погуляю. Пап, — поворачиваюсь к нему, — умоляю! Я же уже пообещала! Меня Женя ждёт! Пожалуйста!

— Игорь, даже не вздумай её отпускать, — шипит мама.

— Татуль, ну правда надо заниматься. Всего десять дней, и будешь всё лето оставшееся отдыхать.

— Но мне сейчас надо, — уже чуть ли не плачу и поглядываю на участок Жени. Может, он увидит и отпросит меня.

— Ты слышала маму. В другой раз посмотрите кукурузину эту.

— Ну пап! — От досады у меня брызгают слёзы.

Как так можно всё портить? Ещё и Оля довольная, будто в лотерею выиграла. Добывает меня!

— Ты посмотри на неё, Игорь! У неё даже тремор рук! Я не узнаю свою дочь! Может, этот шалопай её уже и на наркотики подсадил?

— Что за бред? Пап! Скажи ей!

— Мда! Ты посмотри, как завелась. Она сейчас вместо поступления нам ещё в подоле принесёт от этого никчемша!

Ужас. Как же это унизительно и обидно. Я впервые в жизни кем-то заинтересовалась, а она всё портит на корню. Как она не понимает? Ей что, не было восемнадцать?

— Да что с тобой не так? — отчаянно спрашиваю у мамы. Как она может за десять минут знакомства так невзлюбить человека?! Она же даже не знает его. Даже не попыталась!

— Тата! Не повышай на маму голос. Это что за дела? Иди к себе, — строго смотрит на меня папа, — разговор окончен. Никаких гулянок до экзаменов! Всё!

На глазах пелена слёз, и я всё равно вижу довольное Олино выражение лица, озлобленное мамино и разочарованное папино.

А ещё периферийным взглядом вижу жёлтое пятно. Размышляю несколько секунд, встаю из-за стола и удираю к Жене. Плевать. Подумаю о последствиях потом. Сейчас мне надо к нему.

9. Желаньем медленно томим

— Поехали, поехали, — подгоняю Женю, закрывая дверь. За мной, конечно, никто не несётся, но чувство погони всё равно преследует.

— Бемби, ты чего сбежала? — Усмехается Женя и ускоряется с какой-то запредельной скоростью.

— Сбежала. Видишь, даже не переоделась, — указываю на свой пляжный костюм запыхавшимся голосом.

— Я же говорил, что твои предки против меня. Я тебя не достоин. Теперь ещё и проблемы из-за меня будут, — смотрит на меня с искренним сочувствием.

— Мне плевать! Достали! Меня тошнит уже от этих голов. Разбуди меня в пять утра, я тебе нарисую Цезаря, Антиноя и Афродиту с Сократом с каждого угла и с любой тенью.

— Малыш, понимаю тебя, как никто другой! Ты огромная молодец и обязательно справишься, — Женя берёт меня за руку и поддерживает, — а ещё я очень ценю, что ты ради меня рискнула!

Какой же он крутой! Как с ним комфортно! Наконец-то у меня появился человек, который поддерживает.

— Спасибо тебе! Мне правда важно было это услышать!

— Это тебе спасибо, бемби! Знай, что я с тобой! Ты всегда можешь ко мне обратиться.

Женя притягивает меня к своему боку и приобнимает меня. Мысли о поступлении в Москву всё навязчивее звучат в моей голове. Надо решаться. Я ещё успею на вступительные.

— Хочу тебе показать кое-что, — говорит Женя, прислоняясь губами к моему лбу, — это черновик. Я только начал. Но мне важно твоё мнение.

Он включает бит, где звучат одни басы и барабаны. Никаких инструментов нет. Я жду, когда начнётся хоть какая-то мелодия, но её нет.

— А это всё?

— Я же сказал, что это черновик. Не понравилась, ясно.

Он меняется в лице, включает громко трэп и на меня вообще не смотрит. Демонстративно копается в навигаторе.

Мне дико стыдно, что я так себя повела. Он же сказал, что это черновик, а я его не похвалила.

Он меня так поддержал, а я всё испортила.

— Жень, — кладу руку ему на плечо, но он не реагирует и её отбрасывает.

Ну какая я дура. Неужели нельзя было как-то мягче спросить про минус? Всем своим видом дала понять, что мне не понравилось и я не поняла.

Он же меня простит или это всё?

Может попросить высадить меня?

Как-то в один момент атмосфера испортилась. Точнее, я её испортила. И связь между нами будто прервалась.

Я даже телефон с собой не взяла, чтобы такси вызвать, если что. И карточка в нём. Ну что я за дура такая? Ни денег, ни телефона.

От безысходности смотрю в окно и надеюсь, что он скоро отойдёт. Или я ещё раз попробую извиниться и отогреть его. Я же муза, я должна быть мудрее.

В гнетущей тишине мы доезжаем до Лахты.

Он паркуется и выходит из машины. Вылезаю вслед за ним и думаю только о том, чтобы он скорее меня простил.

Каждая минута в этой тишине для меня невыносима.

Он смотрит на меня таким тяжёлым взглядом, что я хочу провалиться сквозь землю, но хотя бы смотрит, а не просто молчит.

Обходит меня, как навязчивую муху, и открывает заднюю дверь. Мне кажется, что я его так раздражаю, что мне лучше уйти.

Зачем я его нервирую. Надо просто поехать домой. Может, он завтра будет в более благоприятном настроении.

Но я же его расстроила, наверное, и мне надо его развеселить.

— Тут ветрено, малыш, — чувствую, как мне на плечи ложится куртка и он чмокает меня в затылок.

Озадаченно оборачиваюсь и смотрю на него. Его взгляд смягчился. Выражение лица больше не отстранённое, и он хитро улыбается мне.

Подходит ко мне, кладёт большой палец мне на губу и оттопыривает её. Завороженно смотрю за его пальцем и не понимаю, что он хочет.

Он хмыкает, берёт меня за руку и ведёт к Лахте.

Фух. Простил. Как будто груз с плеч упал.

И вот снова я замечаю красоту вокруг и слышу крик чаек. И даже солнце светить ярче начинает и ветер теплее дуть.

— Жень, прости меня, пожалуйста! Мне очень понравился минус. Прости, что неправильно выразилась.

— Малыш, — дёргает меня за руку и впечатывает в себя. Шепчет прямо в губы, сводя моё тело с ума. Я чувствую мурашки даже на лице. — Поцелуй меня и всё.

И я целую. И снова наслаждаюсь вкусом колы, харибо и Жени. И снова чувствую, как лечу.

Мы никуда не торопимся, наслаждаемся друг другом. И я даже постанываю от удовольствия. С ума схожу от его мягких губ и нашего тягучего, как ириска, поцелуя.

Моё тело снова дрожит. Так сильно, будто под нами метро проезжает. Если бы не Жень, я, наверное, не удержалась бы на ногах.

— Пойдём, бемби, — он отстраняется и шепчет мне в висок, согревая своим дыханием.

Я теперь знаю, что значит выражение «бабочки в животе». У меня сейчас в животе настоящий инсектарий с тысячами бабочек.

У меня и у самой будто крылья выросли.

Жень впечатлён набережной, башней и видом. Небо нам благоволит и сгущается. В Лахте отражаются зловещие тёмные облака.

— Охуенно! Там есть смотровая?

— Да. Пойдём.

Жень включает камеру и снимает кружочки для своих фолловеров. Показывает и меня. Называет своей малышкой и постоянно говорит «мы». Ошалеть.

— Вы не сделаете нам фото на память? — Просит у каких-то девушек и целует меня на лестнице, ради которой все сюда приезжают.

Лифт несёт нас с сумасшедшей скоростью наверх, у меня закладывает уши, и я понимаю, что он моё настроение возносит ввысь куда быстрее.

Когда мы выходим на смотровую, у меня кружится голова. Я даже понять не могу, это от эмоций или от высоты.

Я была здесь уже несколько раз, но сейчас по моим ощущениям она на сотни метров выше. Я парю над Питером.

А Жень не смотрит на ошеломительный вид под нами, он пристально смотрит мне в глаза. Слишком долго, он не даёт разорвать контакт и отвезти свои. И я совсем не понимаю, что выражают его серо-зелёные глаза.

— Что? — Не выдерживаю и спрашиваю.

— Дэмн! Ты очень красивая. Совершенно особенная. Я таких никогда не встречал. На тебя хочется постоянно смотреть, а потом вспоминать тебя и творить.

— Поэтому ты меня выбрал из всех?

Я помню, как на него смотрели девочки на пляже. Как клеились к нему на пати. Замечала, как те, что катались с ним рядом, то и дело норовили проехаться и показать себя.

— Я тебя не выбирал. Это ты меня выбрала и не оставила шанса, Тата. Муза сама пришла к мастеру.

С ума сойти.

— Пойдём я тебе покажу настоящий вид? Тут круто, но вид с думской башни лучше, — предлагаю ему. Хочу показать все свои любимые места.

Мы целуемся здесь для галочки. Делаем фотографии и убегаем.

Мы гуляем всю ночь напролёт. Я показываю ему самые крутые крыши и лучшие виды, дворы-колодцы, парадные.

Первый раз в жизни мне удаётся потусить ночью на Рубинштейна и выпить там.

— Ты каталась когда-нибудь на гидроцикле по Неве?

— Нет! — Смеюсь, — ты можешь себе представить моих родителей и гидроциклы?

— Поедем завтра же! Это нереально круто, малыш.

Мы бросаем машину в городе и Женя вызывает нам такси.

Приезжает большой минивэн, в котором мы садимся спиной к водителю.

Женя включает свой плейлист и мы вылезаем в люк. Никогда так свободно себя не чувствовала.

Безумие. Мне бы хотелось так отметить выпускной, а вместо этого у нас был скучный банкет в Il Lago с классическим оркестром. Я сегодня сбежала от родителей, всю ночь лазила по крышам и всем значным местам и завершу ночь дома у парня, от которого я без ума.

Надо поделиться этим с Женей.

Спускаюсь в люк и сажусь прямо на Женю сверху.

— Знаешь, у меня сегодня был настоящий выпускной! Ты устроил мне просто разрывной день! Спасибо! — говорю шёпотом ему в губы, также как он делал ранее.

Алкоголь бушует в крови и полностью снимает стеснение и запреты. Музыка управляет моим телом и я танцую сидя на Жене. Его руки плавно скользят по моему телу и мне безумно хочется чувствовать их на коже, а не через одежду.

— Малыш, — прикусывает мне нижнюю губу и влажно целует. Зарывается рукой в моих волосах и крепко меня держит.

Бабочки опять начинают порхать внизу живота. Я точно знаю, как хочу закончить этот день. Вжимаюсь в Женю, чувствую его эрекцию и трую об него. Тело прошибает током от этого соприкосновения.

Он требовательно хватает меня за бедра и задает темп, имитируя между нами секс. И я подхватываю его и со стонами врезаюсь в грубую ткань его джинсов.

Как он целует, вылизывает, прикусывает. Мне так жарко, так тяжело дышать. Скорее бы уже. Это всё чего я хочу. Это единственно правильное, чем я должна заняться.

Когда я отрываюсь от его губ, чтобы немного отдышаться, смотрю в окно, понимаю, что мы уже скоро приедем. Не могу дождаться.

Он запускает руку под мою рубашку и кладёт ладонь на мою грудь. Кружит пальцами по соску, играет на мне, как на своей медиа-клавиатуре.

Шипит в рот свои грязные рэперские словечки и обещает незабываемую ночь.

Машина останавливается у его дома, он открывает раздвижную дверь и вытягивает меня на ночную прохладу.

Впечатывает в забор и начинает целовать шею. Тело опять дрожит, дыхание сбивается. От мурашек щекотно, а от влаги в белье некомфортно, мечтаю его снять, почувствовать на себе его руки. Его всего.

— Нас увидят, — прерывисто хриплю, — пойдём скорее.

— Всё-всё! Не могу тобой надыхаться! Ты такая сладкая! Иди! Спокойной ночи! — окатывает меня, как из шланга водой.

— Спокойной ночи? Мы не пойдём к тебе?

— Малыш! Обязательно пойдём, но не сегодня! Мы должны лучше узнать друг друга. Куда ты торопишься? Иди спать, бемби!

— Я что-то не так сделала?

— Тата! — Произносит жёстко, — иди спать! Не будь навязчивой! Ты же особенная! Не опускайся!

Женя закуривает и уходит на свой участок, закрывая у меня перед носом калитку.

Я спускаюсь на корточки по забору и не могу понять. Я что, не достаточно хороша для него?

10. Наслаждаясь не любя

POV Tama

Я с надеждой смотрю на калитку Жени. Кажется, он сейчас выйдет и скажет, что пошутил. Я отчаянно жду, когда он выйдет, но тщетно.

Меня снова трясёт так, что мне даже страшно становится. Я сижу на холодной сырой земле и не могу встать. Тело меня не слушается. Обнимаю себя, стараясь унять дрожь, но ничего не выходит. Наверное, со стороны я напоминаю наркоманку. Трясусь, качаюсь из стороны в сторону и бормочу себе под нос бессвязный бред.

Я не знаю, сколько сейчас времени. Четыре утра, шесть, а может быть, восемь. Только страх уснуть под забором и опозориться перед соседями даёт мне силы встать и зайти на свой участок.

Жутко хочется выпить горячего чаю и встать под душ. Мне жизненно необходимо соскрести его запах с себя, снять свои мокрые трусы и поспать.

Такая брезгливость к себе проснулась. Пьяная распущенная девка. Сама вешалась на парня. Да так откровенно, что он от меня сбежал. Это же надо было так опуститься.

Как мне себя перед ним реабилитировать? Наверное, никак, думает, что я разбитная девица. Дура. Подумала, что раз он такой весёлый, свободный и с татуировками, то он не заморачивается. Как бы не так. Как раз он разборчивый, а я показала себя с худшей стороны.

— Танечка, — выбегает мама из дома, — детонька! Я так переживала! Ты в порядке? Тебя не изнасиловали? Ты так плохо выглядишь!

Из меня вырывается смешок.

— Нет, мама, меня не изнасиловали. Всё в порядке. Прости, что убежала.

— Об этом позже поговорим. Главное, что целая и невредимая!

— Я в душ. Можно мне чай?

— Да. Мы скоро садимся завтракать. Приведи себя в порядок, пока папа не увидел, и подходи.

Киваю маме и плетусь в душ. Значит, она волновалась. Так переживала, что даже не злится. Надо же.

Интересно, а если бы я пришла в час, а не в восемь, она бы такая же добрая была? Что-то подсказывает, что она просто уже все стадии прошла.

Сколько же я под забором просидела? Быстро скидываю с себя одежду, пропитанную запахом Жени, и ступаю под горячие капли.

Остервенело тру свою кожу мочалкой и выливаю на себя практически весь флакон геля.

Вода будто смывает с меня опьянение. И алкогольное и любовное. Дура. Полная дура.

Поеду завтра на занятия в художку и останусь в городе. Скажу предкам, что мне надо перед вступительными каждый день ходить на допы. С глаз долой — из сердца вон.

Как бы я себя непристойно не повела, но не оставлять же меня одну. Всё.

— Татуль, — обращается папа, — мы посоветовались с мамой и решили тебя не наказывать. Но надеюсь, ты понимаешь, что никаких вечеринок до экзаменов. Сначала голову заканчиваешь, потом все остальные дела.

Равнодушно киваю и цежу свой крепкий сладкий чай. Больше ничего не лезет.

Я и не собиралась больше гулять. Всё! Хватит. Нагулялась. Аж парня отпугнула.

Выспавшись, сажусь за голову Давида. Выставляю себе правильный свет и настраиваюсь на кропотливую работу. Мама сказала рисовать на время. Выставляю таймер и приступаю к построению.

Голова отдыхает, когда руки заняты, я полностью погружаюсь в процесс и расслабляюсь впервые за эти безумные сутки.

Я переживала, что моя дрожь не пройдет и это будет мне мешать, но нет. Всё нормализовалось.

Спустя пять часов приступаю к штриховке.

— Хэй, бемби, — слышу сзади себя голос и вздрагиваю.

Я уже с ума схожу?

Оборачиваюсь и понимаю, что нет.

Занавески моей комнаты колыхнутся, и между ними стоит, опершись на подоконник, улыбающийся Женя. Да ещё и с букетом полевых ромашек.

— Что ты здесь делаешь? — Стараюсь спросить и строго и равнодушно, не отрываясь от рисунка.

— Пришёл к своей музе. Соскучился. Весь день тебя не видеть пытка для мастера. Это тебе, — кладёт букет на подоконник и хитро улыбается мне.

— Мм. Я занята.

Слышу, как подступает ко мне.

— Дэмм! Как ты рисуешь! Ты такая талантливая! А какая красивая в этот момент. Я пятнадцать минут за тобой подглядывал. Глаз не отвести.

Женя с интересом заглядывает мне за плечо и смотрит на рисунок.

Меня будто на батуте подбрасывает вверх. Или даже на катапульте, как в Диво-острове.

Он пришёл. Он хвалит меня, снова называет музой и говорит, что любовался. Боже! Он не считает меня падшей. Значит, у меня есть шанс. Я ему сильно нравлюсь и просто из-за нетрезвых навязываний он от меня не откажется. Снова чувствую своих бабочек и тепло в душе. Радость будто снова возвращается в каждую клетку.

— Правда? Тебе нравится?

— Нравится, малыш. Я же говорил, что ты молодец. Единственное, тебе не кажется, что в этом нет искусства? Просто механика.

Больно шлёпаюсь о пружины, на которых только что подлетела. Он прав. Это не искусство. Я не дотягиваю до настоящего художника, я же ничего не создаю сама.

— А хочешь я тебя так напишу, как Давида? У тебя красивое фактурное лицо, скулы очерченные.

— Красивое лицо? — Усмехается.

— Очень. Как художница говорю.

— Хочешь сесть на него? — Нахально смотрит на меня и сужает свои серо-зелёные глаза.

Во рту так пересыхает, что даже горло дереть начинает. Зато труссы опять хоть выжимай. И как себя вести? После прошлой ночи мне стыдно показать ему своё желание. А если откажусь, подумает, что я фригидная задротина.

— Жень

— Малыш, я знаю, я проебался ночью. Предлагаю загладить свою вину, — подходит к моей двери и запирает её. Стягивает с себя футболку и демонстрирует мне своё спортивное татуированное тело. Глаза разбегаются. Моему художественному взору интересны и идеальные пропорции с рельефными косыми мышцами и разноцветные рисунки. Его забивает явно очень крутой мастер. Мне бы тоже хотелось попробовать.

— Нет. Я сама виновата, не надо было столько пить.

— Бемби, — подходит ко мне вплотную, обхватывает меня за подбородок и поднимает моё лицо к себе, устанавливая зрительный контакт, — я вчера испугался своих чувств. Между нами такой пожар, я не захотел всё испортить. У нас должно быть всё правильно, понимаешь? Какой же он невероятный.

— Понимаю.

— Позволишь сделать тебе приятно?

— Да

Мы перемещаемся на мою кровать, Жень укладывает меня и начинает целовать ноги от щиколоток и выше.

Я закрываю себе рот ладонью, чтобы нас не услышали родители, и стараюсь не сильно ёрзать на ретро-кровать. Каждое наше движение создаёт скрипучий звук.

Его руки обжигают, поцелуи клеймят, и я совсем перестаю дышать, когда его губы мажут меня по внутренней стороне бедра.

— У тебя очень сексуальные ножки, малыш, — чувственно шепчет в кожу, — но не надо носить такие короткие платья. На пляже было лучше.

— Я же дома, — оправдываюсь перед ним, но он не отвечает.

Боюсь, что он уйдёт, но он продолжает к моему облегчению.

Я натянута, как струна, и еле справляюсь с эмоциональным накалом.

Я опять испытываю сильнейшую дрожь в сочетании с чрезмерным возбуждением и невероятным счастьем.

Его горячие пальцы подцепляют моё бельё и стаскивают их. Смущённо пытаюсь свести бёдра, но он решительно их разводит обратно.

Я не дышу, не шевелюсь, не издаю ни звука. Низ живота небывало тянет. Очень сильно, даже неприятно. Не понимаю, так должно быть или нет.

Может это от волнения?

Губы Жени замирают в сантиметрах от горячей плоти, и я чувствую, как его тело напрягается. Руки начинают сжимать мои бёдра жёстче.

Преодолеваю стыд и открываю глаза.

— Малыш, — смотрит на меня с растерянностью, — у тебя месячные.

Случайно лягаю его ногой и вскакиваю с кровати. Позорище какое! Мне ночью не хватило? Решила по полной. Какой ужас. Теперь точно всё.

— Прости! Прости!

— Бемби, всё нормально. Это естественно. Не переживай так, — говорит ласково, ложась на спину и обнимая мою подушку. Вдыхает её аромат.

— Я сейчас вернусь, — подбираю свои трусы и убегаю в ванную.

Вот и живот так болит, а я понять не могла. Как же мне теперь ему в глаза смотреть? Блин! Хуже ситуации и нарочно не придумаешь. Он теперь никогда меня не захочет.

Привожу себя в порядок и собираюсь вернуться. Лучше бы он обратно убежал в окно. Из отражения зеркала на меня смотрит бледная поганка. Это не я, это моя тень.

Ужас. Почему я такая невезучая?!

Возвращаюсь к себе в комнату и вижу, как у меня на рабочем столе сидит Оля, весело болтает ножками и залиvisto хохочет.

Женя так и лежит у меня на кровати без футболки на радость мелкой, которая жадно на него пялится.

— Тата, как ты? — Заботливо спрашивает Женя.

— Спасибо. Нормально. Только живот сильно разболелся.

— Бедняжка, — злорадствует сестра.

— Тебе надо отдохнуть. Ложись. Поспи. Мы погнали. Не будем мешать.

Мы? В смысле?

Не успеваю я ответить, как Женя подхватив свою футболку выпрыгивает из окна и помогает вылезти моей Олюшке. И они смеясь убегают.

Застываю посреди комнаты и чувствую, как у меня по щекам начинают бежать солёные, разъедающие кожу слёзы.

11. Кому не скучно лицемерить

— Татуууууль, — вырывает меня из оцепенения мамин голос.

Смахиваю слёзы и оборачиваюсь.

— Да?

— Ты чего? Всё нормально?

— Да, — стараюсь придать голосу убедительности.

— Мы с папой поехали к бабушке с дедушкой. Будем поздно. Поужинаешь сама? Можешь заказать что-нибудь из «Токио-сити», если хочешь. Папа переведёт тебе.

— Хорошо.

— А Олюшка где?

— На залив пошла, — выдумываю первое, что приходит в голову.

— Хорошо. Как там Давид? — Мама проходит в комнату и с видом эксперта осматривает мой рисунок. — Закончи его. Утром проверю.

— Да, мам.

— Всё, мы уехали.

Выглядываю в окно и жду, когда машина скроется за воротами, держусь.

Как только слышу, что ворота закрылись и машина скрылась, эмоции берут верх. Кричу изо всех сил, надрывая связки. Бесит! Как же меня он бесит! Оля бесит! Предки бесят! И я сама себя бешу!

Хватаю дурацкие ромашки и начинаю колотить этим букетом по зеркалу.

— Дура! Дура! Дура! — Кричу своему отражению. — Мудак! Московский мудак! Ненавижу! Чтоб тебя на твоём вонючем кайте на северный полюс унесло! Кретин! И сучку малолетнюю пусть с собой прихватит!

Сердце заходится в бешеном ритме, от головок ромашек уже ничего не осталось. Удовлетворённая кидаю остатки букета на пол и ногой пихаю.

Падаю на колени и начинаю рыдать.

Обхватываю себя руками, лежу в позе эмбриона и всхлипываю. Я уже даже своего голоса не слышу, в ушах стоит какой-то гул. Понимаю, что он не стоит ни единой слезинки, а успокоиться не могу. Так жалко себя. Ну чего я так влюбилась? Что он единственный парень на земле, что ли?

Силы стремительно покидают меня. Сил реветь уже нет. Скручиваюсь ещё сильнее и так и лежу на холодном полу, обливаясь солёными слезами.

— Эй, — чувствую прикосновение горячих рук и вздрагиваю.

Поворачиваю голову и вижу Женю, который сидит передо мной на корточках и смотрит испуганно.

— Зачем ты пришёл? — выплёвываю ему. Надо переехать в спальню на второй этаж. Взял манеру наведываться.

Смотрю на него, и меня разрывает от противоречий. С одной стороны хочется его расхерачить, как его букет, а с другой стороны хочется задохнуться от радости. Он вернулся ко мне, пришёл. Без Оли. Он беспокоится за меня, это видно невооружённым взглядом.

— Я тебе принёс вкусняшек. У тебя живот так болит? Может тебе скорую вызвать или обезболивающее принять? Ты очень плохо выглядишь, бемби.

Замечаю рядом с ним бумажные пакеты и даже чувствую запах еды. Вид у него растерянный и озабоченный.

— Не надо ничего. Пройдёт. А Оля где?

— С Лексом в «Дел Мар». Она подбросить попросила.

Нервы опять сдают, и я начинаю реветь по новой. И дрожь вернулась, меня колотит, как на морозе.

— Эй, малыш, ты чего? — Женья обнимает меня и начинает баюкать, — что случилось?

— Почему вы сразу не сказали? — Обрывисто произношу сквозь рыдания, — я думала вы тусить вместе уехали. Думала, ты кинул меня.

— Стой, — вытирает слёзы большими пальцами, — ты из-за меня плакала?

— Да, — говорю, как есть, — и ромашки все угандошила.

— Глупенькая! Глупенькая, глупенькая бемби, — прижимает меня к себе, — я хотел тебе приятно сделать. Типа сюрприз. Накупил всякого. Думал, посмотрим что-нибудь.

Он так крепко меня прижимает к себе, что даже дрожь проходит. Жадно вдыхаю его запах и пытаюсь согреться от тепла его тела.

— Прости, что ромашки испортила, — всхлипываю у него на груди.

— Похуй. Новые соберу. А ты прости за голимый сюрприз. Надо было открыто сказать, что скоро вернусь. Давай вставай с холодного пола. Пойдём умоем тебя. Видел, что родители уехали. Надолго?

— Да. Они в Шлиссельбург поехали к бабушке с дедушкой.

Женья помогает мне встать и ведёт в ванную. Сам меня умывает сначала холодной водой, а потом тёплой. От его нежности опять начинаю реветь. Ничего с собой поделать не могу, будто всё напряжение, которое у меня копилось на протяжении жизни, сейчас вышло наружу. Словно кто-то открыл кран с моими эмоциями, и они все разом наружу вытекли.

Женья подставляет мои руки под струю воды и ласково со мной разговаривает. Я даже не могу разобрать его слов, просто считываю мягкий тон и успокаиваюсь.

— Чем хочешь заняться? Можно ко мне пойти, ну или здесь зависнуть, — осматривает нашу гостиную Женья.

— Не хочу никуда идти, я очень устала.

Не понимаю, от чего я чувствую себя так, будто вагоны разгружала. Мои необоснованные истерики отнимают слишком много энергии. Ещё и ему рассказала. Теперь будет меня психованной считать.

— Хорошо. Сейчас еду у тебя заберу, садись.

Женья возвращается через минуту и раскладывает все контейнеры на стол. У него тут и десерты и пицца и роллы. Родители мне такое позволяют только по особым случаям. Ну, как сегодня. Надо же, формально я даже не нарушаю сейчас маминих заветов. Ну, если не считать парня в нашей гостиной.

— Жень, — поворачиваюсь к нему, — прости меня! Это, наверное, что-то гормональное. Обычно я не такая истеричка. Мне так неудобно.

— Бемби, забей, — подмигивает мне Женья, — с кем не бывает?

— Не знаю. Со мной не бывало. Я вообще самый невозмутимый человек, которого я знаю. Я даже на ЕГЭ не волновалась. А сейчас что со мной?

— Бес попутал, — усмехается.

Я начинаю громко хохотать, вспоминая его прозвище и свои мысли в день знакомства. А ведь я тогда и не знала, что его так называют.

— А почему ты Бес? Бесишь всех?

— Позвольте представиться, — Женья вскакивает с ковра и выпрямляется во весь рост, — Бессонов Евгений Викторович.

— Бессонов, значит, — смеюсь из-за его неловкого поклона, — ну, всё ясно с тобой.

— И что тебе ясно, малыш? — Лукаво смотрит на меня.

— Что у меня будут с тобой ночи без сна.

— Это я гарантирую, — хитро улыбается и облизывает губы, которые мне снова отчаянно хочется целовать.

Мы включаем документалку от Нетфликса и приступаем к еде.

С каждой минутой я осознаю, как выравнивается моё состояние. Женья сейчас совсем мягкий, спокойный и очень трепетно ко мне относится. Постоянно ухаживает и интересуется самочувствием.

Лёжа в его объятиях, невольно задумываюсь о том, почему я так плохо подумала на него и на Олю.

И в правду глупая.

— Когда у тебя экзамены? — спрашивает Женья.

— Через десять дней, но это в Санкт-Петербурге. А в Москве послезавтра. Но родители не разрешают. Я попросила бабушку их уломать. Вернуться, посмотрим, что скажут. Документы я отправила на всякий случай.

Молчу, что вот-вот отправила и что отправила из-за него.

— Они тебя не поддерживают?

— Поддерживают во всём, что им по душе.

— Ха, — хмыкает Женья и закусывает щёки.

— А у тебя как с предками? Гордятся тобой?

— Наверное. Не знаю. Я ушёл в свободное плавание. У нас всё сложно, бемби. Они, наверное, полная противоположность твоих. И тоже ничего прикольного. Как-то так.

— Ясно. Какие планы? У вас снова туса с Лексом? — спрашиваю и боюсь услышать ответ. Меня сегодня вряд ли куда-то отпустят, когда вернутся, а значит я снова останусь одна.

— Ты мои планы, малыш.

— И чем займёшься? — спрашиваю, не скрывая улыбки.

— Честно? Я не спал нормально несколько месяцев. Можно мне поспать с тобой?

— Просто поспать?

— Да. Меня кошмары мучают. Я подумал, что с тобой, возможно, не будет их.

— Но сейчас только десять.

— А в шесть утра я катать еду. Хочешь со мной?

— Хочу, конечно. Пошли.

Пишу маме смс, что я ложусь спать, и запираю дверь. Ставни тоже запираю, чтобы сестрица не влезла, чего доброго.

Смотрю на Женью на своей девичьей кровати с рюшами и под пледом в розочку и поверить не могу.

— Что ты ржёшь, бемби? — замечает мою реакцию.

— Ничего. Просто Бес забавно смотрится в такой обстановке.

— Малыш, нельзя смеяться над мужчиной в постели. Даже если мы просто будем спать, — говорит со всей серьёзностью.

— Ладно. Молчу.

— Мы могли бы пойти ко мне, но у тебя тут слишком сладко. Я, как оса на варенье, припал к твоей подушке.

У меня по всему телу разливается тепло. Впервые за эти дни меня не разрывает от эмоций. Всё просто хорошо. Спокойно. Возможно, нахождение на моей территории мне тоже даёт некую силу и уверенность. Но больше всего сил, конечно, даёт его ласковое отношение.

Я передеваюсь в пижаму и ложусь к нему. У меня небольшая полутораспальная кровать, и нам приходится тесниться, чему я несказанно рада.

Он пропускает меня к стене и обнимает. Дышит мне в спину, кладёт горячую ладонь на живот и ласково целует макушку.

Мне кажется, я сейчас растаю, как сахар в кипятке. Как же я сейчас счастлива. Как будто я бежала-бежала все эти дни за наградой и наконец её получила. Непередаваемые чувства.

Просыпаюсь от луча солнца, заглядывающего сквозь лёгкие занавески, переворачиваюсь на другой бок, и нос начинает что-то щекотать. Раскрываю глаза и вижу на подушке огромный букет ромашек.

На часах восемь. А мы собирались в шесть поехать кататься на кайте в Сестрорецк. Не успеваю полноценно огорчиться, как замечаю записку.

«Малыш, ты сладко спала. Не стал тебя будить. Жду тебя на споте».

И номер телефона наконец-то оставил.

Довольная сажусь на кровать и вытаскиваю один цветок из букета.

Начинаю дёргать по лепестку и проговаривать «любит», «не любит». Когда остаётся последний на «любит», счастливая падаю навзничь на подушку, повторяя: «любит, любит, любит».

12. Доверчивость души невинной

Очень хочется поскорее увидеть Женю, но с мольберта на меня взирает Давид, которого надо закончить. Мама меня и так с трудом отпустит, а с нетушованным Давидом вообще без вариантов.

Затачиваю ножом карандаш и сажусь за работу. Минут за сорок, максимум за час закончу, позавтракаю и отпрошусь.

— Привет, мам! Как съездили? — Захожу в столовую и стараюсь по её реакции считать, удался ли мой план с бабулей. От неё вестей пока нет.

— Привет, Татуль! Замечательно! Ой, они такую шикарную террасу в лесу построили. Там выдвижное остекление на пульте, газовые такие штучки, как в ресторанах для отопления. Красота. А какую им набережную на Ладогу оборудовали в посёлке.

Мама продолжает расписывать, как хорошо у её родителей. Она мечтает уговорить папу продать эту дачу, которая переходила из поколения в поколение, и переехать в новый коттеджный посёлок к бабушке с дедушкой. Но папа, как и я, ни в какую. Здешняя атмосфера непередаваемая. Будто всё пропитано духом творчества и созидания.

Наверняка, Женя и подхватил его, а не я вдохновляю. Но приятно, что он думает на меня, а не на Ахматову, Репина, Шостаковича и Бродского.

— А про меня бабушка спрашивала? — Уже слишком жирно намекаю на тот разговор.

— Да, жалела, что вы не приехали. Она вам плюшек испекла. После завтрака на пополам съешьте одну, остальное чайкам разбросай.

— Чайки рыбу едят. Им тяжело от глютена, мам. А нам с Олей как раз.

— Да! Целлюлит вам как раз отращивать.

— Мам! Я вешу сорок семь килограммов!

Как же бесят её ограничения. Мне уже на диспансеризации сказали, что у меня едва ли не дистрофия, а мама всё проецирует на нас свой резкий скачок веса в подростковом периоде и следит за каждой калорией. И естественно винит в этом свою маму, а потому её стряпня в нашем доме почти под запретом.

Я же уже съела шаурму на неделе, значит, никаких плюшек. Чокнутая. Только РПП нам разовьёт.

— Сегодня сорок семь, завтра шестьдесят семь.

— И что? Грудь наконец появится. Я не против!

— Много ты понимаешь Ладно, — уступает с видом великого одолжения, — одну и всё!

— Я могу мальчиком их отдать, — робко предлагаю.

— Оборванцам-то этим? Ну, подкорми, дело хорошее. Как Давид?

— Закончила.

— Позавтракаешь и садись за Сократа. Или ты поедешь на рисунок?

Блин! Вспоминаю, что у меня сегодня занятие, а я обещала Жене прийти. Как быть? Заехать в Сестрорецк, немного побыть с ним, а потом поехать? Успею под конец. Да, пожалуй, так и сделаю, зато отпрашиваться не надо.

— Поеду.

К моему удивлению, мама даже не проверяет мой рисунок и спокойно отпускает меня на Ваську. Видимо, она так сейчас озадачена своим желанием переехать в Шлиссельбург, что на меня забила.

Такое настроение сегодня цветущее, что хочется и внешне его передать.

Надеваю белое воздушное платье с подъюбником, собираю свой тубус и выхожу из дома. Когда мама не давит, даже дышать легче.

Прям у нашего забора стоит самокат, наверное, Оля арендовала и кинула. Захожу в приложение, бронирую его и обнаруживаю, что зарядки хватит не только до станции, а и до Сестрорецка. С удовольствием прокачусь и позвоню бабуле.

— Алло! Бабуль, привет!

— Татуленька, привет, моё солнышко! Ну что же ты ко мне не приехала? Я так тебя ждала!

— Бабуль, чувствовала себя не очень. Женские дни, ну понимаешь!

— Татуля, об этом вслух не говорят! Поняла. Ну что могу сказать? Моя дочь — упёртая ослиха! Ничего не хочет слышать ни про Мархи, ни про МГУ. Строгановку ещё может, но туда не поступить, сама понимаешь. Двадцать мест.

— Бабуль, ну что же делать? Я так хочу подальше уехать!

— Солнышко! А может, к нам с бабушкой переедешь? Мы же рядом с академией живём. Думаю, мама не будет против. А то пока доберёшься с Петроградки.

— Бабуль, да там четыре станции метро. Это не аргумент для мамы. Но всё равно спасибо тебе!

Настроение падает на дно, последняя надежда моя разбилась в крах. Ещё как минимум пять лет мне жить с мамой и терпеть это.

Доезжаю до пляжа кайтеров будто за минуту, настолько я ушла в свои думы и отчаяние. Оставляю на парковке самокат и иду к споту.

Женю замечая сразу. Не знаю как, но я сразу нашла и узнала его ярко-синий кайт. И он, можно подумать, чувствует меня и поворачивает кайт в сторону берега. Несётся с сумасшедшей скоростью, делает эффектное сальто и мчится ко мне.

Скидывает свой огромный парус, бросает доску и бежит ко мне.

Подхватывает, кружит, целует так, чтобы окончательно мне сорвало крышу.

Во рту слабосоленый вкус залива, кока-колы и чего-то пряного.

— Дэмм! Тебя так идут эти платья барышень! Дико секси! Топ! — Делает мне комплимент Женя, а я готова взмыть в небо от счастья также, как он на своей доске.

— Спасибо!

— Ты расстроенная. Что случилось?

— Да бабушка поговорила с родителями, и они всё равно ничего не хотят слышать про поступление в Москву. А я до последнего надеялась.

— Малыш. Ты можешь потом перевестись, это не конец. Не расстраивайся. Варики всегда есть. Я знаю ходы, — задорно подмигивает.

— Знаешь, такое отчаяние чувствую, что вообще не хочу учиться. Вот сейчас надо на допы ехать, а мне плевать. Буду сидеть и смотреть, как ты катаешь. Ничего не хочу.

— Хэй, бемби, — Женя обнимает меня крепче, и я чувствую, как моё платье становится влажным и холодным от его мокрого гидрокостюма, — так дело не пойдёт. Ты талантливая девочка. Поехали, я тебя отвезу.

Надо же! Оболтус и раздолбай, как его назвала мама, переживает за мою учёбу больше меня.

— Хорошо. Устрою тебе экскурсию по своей академии. Можешь там попозировать ню. Не интересует?

— Нет. Моя натура только для одной художницы.

— Ты какой-то слишком милый сегодня, — подозреваю я неладное. Даже как-то непривычно. Или это у меня проблемы?

— Обычный, Бемби. Не выдумывай. Я всегда такой, — снова целует меня, но теперь нежно и аккуратно, — я быстро переоденусь и погнались.

Сажусь на лавочку и ощущаю очень сильную тревогу, которую не могу охарактеризовать. Что-то очень сильно беспокоит, а что именно, понять не могу.

Женя переодевается достаточно быстро и что-то по дороге к машине рассказывает про неподходящие ветра с завтрашнего дня, которые придут на залив, но мне даже слушать тяжело. Я могу выполнять только одну задачу — идти и стараться не оступиться в песке.

— Малыш, точно всё норм? Может тебя лучше домой отвезти? — Пристально на меня смотрит Женя в машине.

— Нет. Мне надо на занятия. Меня будут проверять. Просто накатило что-то. Как будто предчувствие или не знаю даже. У тебя такое бывает?

— Бывает, бемби. Очень часто. Надо переключиться. Сменить фокус.

Женя рассказывает мне про свою работу в штатах. Оказывается, он сейчас ждёт визу талантов и, скорее всего, осенью уже по ней уедет работать. У него много клиентов там, и ему нравится та тусовка.

Вскользь говорит, что его здесь мало что держит и ему хочется быть подальше от Москвы. Хотя дольше двух месяцев он вдали от своего города не выдерживает.

Настроение падает ещё больше. Чувствую себя какой-то совсем ущербной. Ну неужели я не могу учиться там, где хочу? Всего-то Москва. Не Китай, не штаты. Даже не Европа. Просто Москва. Четыре часа на поезде.

— Ты разводишь меня, бемби? Это реально твой инст? — Смотрит Женя с восхищением на академию.

— Да. А ты что, не видел никогда академию Штиглица?

— Никогда. Даже не слышал. Охуеть. Да это самое красивое здание в городе. И ты хочешь вот это променять на Москву?

— Ты ещё внутри не был, — улыбаюсь. Его реакция как-то и меня заставила взглянуть свежим взглядом на академию и оценить её. С ним всё красивее, всё вкуснее и всё острее. — Мне очень нравится академия. И преподавательский состав просто мечта, но я хочу быть подальше от родителей. Хочу сепарации. Понимаешь?

— Нет. У меня была насильная сепарация, и поэтому не понимаю.

— В смысле? Что случилось?

— Не забивай свою голову, бемби, — куда-то в пустоту отвечает Женя.

Мы заходим в академию, и Женя не перестаёт кружиться и смотреть на всё с неверием.

— Ну как? — спрашиваю в галерее.

— Охуеть. Грёбанный Хогвартс отдыхает. Я тоже хочу здесь учиться. Пройдись тут со своей этой трубкой. Хочу выложить сторис.

Да, я настолько привыкла за все годы подготовки к своей будущей альма-матер, что не испытываю таких эмоций, как Женя. Он же просто поражён. Сразу заметна его тонкая натура. Влюбляюсь ещё больше. Одно дело, когда он весь такой крутой и не такой, как все, а другое, когда он видит то, что ты не видишь. Когда он ценит красоту. Для меня это очень важно. Мне кажется, что в маме этого нет. Она просто любит то, что должна любить интеллигентная петербурженка по её мнению. А в папе есть, и нет у них этого единения душ. А у нас с Женей есть.

И настроение снова летит ввысь. И снова я мечтаю здесь учиться.

Договариваюсь с Петром Николаевичем о том, чтобы Женя тихо посидел на уроке, и сегодня занимаюсь с каким-то небывалым удовольствием.

Как нам будет комфортно, я буду рисовать, делать проекты, а он в это время писать музыку. У нас тандем в лучших традициях.

После занятия мы берём кофе и долго гуляем по академии, возвращаемся домой уже достаточно поздно.

— Я тебя провожу, — паркует машину Женя и выходит вместе со мной.

— Да? — Удивляюсь, — заодно тебе плюшки дам, которые бабушка испекла. Мама не разрешает нам с Олей их есть.

Женя какой-то загруженный и, кажется, пропускает мимо ушей мою реплику.

— Игорь Иванович, Наталья Петровна, добрый вечер! — Здороваются Женя с родителями, которые пьют чай на веранде.

— Здорова, Бес! — Молодится папа.

— Здравствуйте, Евгений, — поджигает мама губы и даже не смотрит в нашу сторону.

— Я зашёл, чтобы отпросить у вас Тату завтра на весь день. Дело в том, что завтра будет очень хороший ветер для обучения новичков. И я бы хотел её научить кататься. Безопасность и целостность конечностей гарантирую.

— А что? Хорошая идея. Почему нет? Да, Наташ?

Видно, как мама злится, но при посторонних папе не перечит, а лишь кивает.

— Тогда я заберу её в четыре утра. Надо прям рано начать занятие.

Я наблюдаю за всем этим с полным недоумением и боюсь даже слово вымолвить.

— Хорошо. Без проблем, — соглашается папа.

Женя прощается с ними и уходит. Провожая его до калитки и, отойдя подальше от родителей, наконец решаю прояснить ситуацию.

— Жень, ты же сам сказал, что циклон какой-то и неделя без катки.

— Малыш, мы не будем кататься. Мы первым сапсаном поедem в Москву на твои вступительные. Кинь мне паспорт. Я куплю билет. Мечты надо исполнять.

— Ты серьёзно? Не могу поверить!

— Поверь. Я же верю в тебя! — Женя обнимает меня и шепчет в волосы, — малыш, успокойся и возьми себя в руки. Не показывай родителям своё возбуждение и волнение, спалишься.

13. Он оставлял без сожаленья

Просыпаюсь по будильнику в четыре утра и чувствую себя, как в шпионском боевике. Я даже Жене отправила свой паспорт в секретный чат.

Мне нужно одеться и причесаться так, будто иду кататься, если вдруг родители проснутся. Нужно сложить в рюкзак вещи на сменку, а тубус с ватманом и принадлежности для рисования я ночью перекинула Жене за забор.

Нервничаю жутко, кажется, что у меня всё на лбу написано и все в курсе, хотя это, конечно же, не так.

На цыпочках выхожу из комнаты и тихо крадусь к выходу. Всё чисто. Никого нет.

Быстро пересекаю участок и выбегаю за забор. Прислоняюсь к калитке и дышу впервые с тех пор, как вышла из комнаты.

Пишу сообщение Жене, что я готова и жду. Поезд через час двадцать, немного времени в запасе есть.

Женя сообщение не читает. С каждой минутой я начинаю нервничать сильнее. До вокзала ехать час, надо еще вызвать такси или, если мы поедem на его машине, то её припарковать и дойти до нужного вагона. Времени в обрез, а он даже не прочёл.

Перелезть к ним через забор и постучаться? Подхожу к воротам и замечаю звонок. Нажимаю на него, но, судя по щелчку, он не работает.

Проверяю галочку в телеге каждые несколько секунд, но она по-прежнему одна.

Я уже не знаю, куда деться, до поезда час, а он спит. Вот это подстава.

От безысходности сажусь на корточки и начинаю плакать. Я только поверила, что моя мечта исполнится, что чудеса случаются, и такой облом.

Так жалко себя. Дура. Поверила, что смогу одна провернуть такое дело и в итоге сбежать от родителей. Ага, конечно.

Слёзы текут, сопли текут, лезу в рюкзак за салфетками, как слышу хлопок двери и в ту же секунду ворота начинают разъезжаться.

Подскакиваю, подбегаю к воротам и вижу Женю. Он неторопливо идёт к машине, машет мне, и видно, что он дико сонный.

— Прыгай, бемби, соррян, будильник выключил случайно.

— Женя! До «Сапсана» пятьдесят пять минут.

— Не кипишуй, малыш. Ща по платке домчим, я уже пробил. Ты что, ревела?

— Ну да, я думала, что всё.

— Малыш, — цокает Женя и целует меня поочерёдно в каждую щёку.

Я успокаиваюсь и сажусь в машину. Хочется на него накричать уже, чтобы он был резче, но он вообще не торопится и копошится на месте.

Наконец садится и выезжает. Оборачиваюсь на наш дом и надеюсь, что всё у меня получится. Выезжаем на основную улицу, и вдруг я вспоминаю, что забыла тубус.

— Женя! Тубус! Вернись!

Нам до дома минуто, Женя сдаёт назад с какой-то сумасшедшей скоростью, но мне всё равно кажется, что прошла вечность. Вот Балда Иванна!

Он мне открывает ворота, и я выскакиваю за своей нычкой. Наверное, я ещё никогда в жизни так быстро не бегала.

Запрыгиваю в салон и жадно пью воду. Вот это утречко. До «Сапсана» сорок пять минут. Если мы успеем, я обязана поступить.

У Жени нереально быстрая машина, и по платной трассе он мчится, как сумасшедший. Мне даже страшно смотреть на лобовое стекло, на котором цифры уже давно перевалили за

двести. Вместо этого я постоянно смотрю на часы, как будто я силой мысли могу замедлить ход времени.

За пять минут до отхода поезда мы оставляем машину на паркинге и бежим на вокзал.

Мне начинает казаться, что я в последний момент забыла паспорт, но даже тридцати секунд, чтобы остановиться и проверить, у нас нет.

Залетаем в поезд в последний момент, и, к счастью, паспорт на месте.

— Ого, ты взял билеты в первый класс?

— Малыш, я люблю комфорт, садись. Завтракать будешь?

Я ещё не успокоилась. Я так нервничала, так боялась опоздать, что никак не могу отойти от этого состояния.

Мотаю головой и рассматриваю косметичку, которую дали в подарок. Может поспать, я спала всего два часа из-за волнения. Снимаю свои кроссовки, надеваю тапки из набора и маску для сна.

— Бемби, давай тебе кресло разложу.

— Давай, спасибо.

Женя за мной ухаживает, а себе выдвигает столик и достаёт ноутбук со студийными наушниками. Видимо, он собирается работать.

— Бемби, — укрывает меня пледом, — что будешь на завтрак? Мы не успеем до экзамена поесть.

— Сырники, блинчики, гранолу. Что-нибудь такое. Только не кашу и не яйца.

— Хорошо. Спи, малыш.

То ли стресс на меня повлиял, то ли общая усталость, но мне даже языком ворочить лень. Мне так хочется поблагодарить Женю за помощь и заботу. За первый класс в конце концов, но не могу. Сон меня берёт в плен, и я сдаюсь.

— Бемби, — чувствую его губы и дыхание на коже, — просыпайся! Мы Тверь проехали. Поешь, и приедем.

Какую Тверь? Куда приедем? Москва! Я еду в Москву!

Распахиваю глаза и вижу, как мы мчимся вдоль широченной Волги. Я помню это место, действительно скоро приедем.

Женя замечает мое коматозное состояние и помогает принять сидячие положение и разобрать столик. Ставит передо мной блинчики с джемом, кофе и чай.

— Не знал, что ты пьёшь, бемби.

Я смотрю на него в непривычной обстановке, и он мне кажется ещё более крутым. Такая дерзкая внешность, увлечение и такой заботливый мимишка по факту. Супер комбо.

— Спасибо большое! Я всё выпью!

— Хорошо, малыш. На рождественке же у тебя вступительные будут?

— Я не знаю. Сейчас посмотрю.

— Я сам посмотрю. Поешь.

Надо же! А с ним супер комфортно и уютно! Он как будто вообще не из нашего поколения. Ухаживает, решает, оберегает. Никита у Насти вообще не такой, и Коля у Даши тоже. Демид вроде подаёт признаки джентельмена, но лайтово. Женя же прям топчик. Раскрылся по новой!

Доедаю блины, выпиваю капучино и понимаю, что я готова. Прекрасный настрой. Боевой. Вот предки охренеют, когда я скажу, что поступила.

— Жень, спасибо тебе за всё огромное! Я буду тебе благодарна до конца жизни! И я ради тебя одного и твоей доброты выложусь на сто!

— Бемби, мне это ничего не стоит. Просто сгоняли в Москву. Выкладывайся ради себя, okay? На сто, тысячу, но ради себя. А то вот эти лишние условности мешают.

— Да! Но твоя помощь неоценима! Я не хочу тебя подводить!

— Малыш, ты не подводишь. Просто потом тоже как-нибудь кому-нибудь поможешь. Если можешь помочь, всегда помогай.

— Хорошо! Спасибо!

— Съешь пудинг. Он вкусный!

Женя надевает наушники и фокусируется на работе, что-то там двигает в своей программе. Такой красивый и увлечённый. Одухотворённый даже. Он очень вдохновляет тем, что можно заниматься любимым делом и быть успешным. Мама же вечно считает всех творческих людей оборванцами. Поэтому они и не верят, что я могу что-то на фото заработать.

Поезд прибывает в Москву за полчаса до экзамена, мы проезжаем одну станцию на метро, и Женя предлагает прогуляться.

Меня снова начинает мандражировать, но Женя берёт меня за руку и успокаивает. Рассказывает что-то, но я не слушаю, я боюсь, что мне попадётся Сократ. Борода мне даётся тяжелее всего.

Когда мы подходим к МАРХи, у меня сердце замирает. Женя обнимает меня, целует и желает удачи. Через шесть-семь часов договариваемся здесь же встретиться, и я захожу в институт.

Постоянно кажется, что вот-вот мама нагрянет и заберёт меня домой, хотя я прекрасно понимаю, что это нереально.

На автомате подаю документы, нас группируют и разводят по аудиториям.

Когда я занимаю своё место и понимаю, что мне попался Антиной, да ещё и в таком же положении, в котором я его рисовала позавчера, я чуть не визжу от радости.

Мне казалось, что день не задался, когда мы чуть не опоздали, а теперь понимаю, что эти накладки были к удаче.

— Антиной! У меня был Антиной! Мне было легко! Я очень довольна своим результатом! — Бросаюсь к Жене на шею и чмокаю его десятки раз.

— Хэй, бемби! Потихе! — Смеётся он, подхватывает меня и кружит.

Меня начинает мутить и от счастья, и от голода, и от кружения. Я готова обнять сейчас весь мир! Моя мечта практически сбылась!

— До поезда полчаса?

— Да! Я бы очень хотел и тебе показать город. Но ты и так домой раньше половины девятого не придёшь. Это уже подозрительно.

— Да. В другой раз.

Мы берёмся за руки и решаем дойти до вокзала пешком.

Я уже представляю, как буду ходить здесь каждый день от метро до института или, возможно, мне снимут квартиру прямо здесь, в центре.

— Кстати, в МАРХи тоже очень красиво. Особняк раньше принадлежал Воронцову, — делюсь с Женей впечатлениями.

— Круто! Музе надо только в таких местах обитать.

— Да прекрати. Я не муза!

— Муза! Я на тебя спящую смотрел и три минуса написал.

— Правда?

— Да. Скину потом послушать.

С ума сойти. А если он станет дико известным композитором. Он же по сути композитор? А я причастна буду к такому делу. Круто.

Мы незаметно доходим до вокзала, находим нашу платформу, подходим к вагону, и Женя вдруг меня обнимает.

— Малыш, у меня тут тема нарулилась, я не поеду. Давай, связь! Отпишись, как приедешь!

Женя целует меня в губы, салютует и оставляет меня одну.

14. Привычкой жизни избалован

— Девушка, ну проходите-проходите, — поторапливает меня проводница, а я застыла.

— Извините, да, конечно! — Наконец отмираю, протягиваю ей паспорт и иду на своё место.

Кресло рядом со мной пустует, напоминая об отсутствии моего Жени.

Почему он не сказал о том, что не возвращается в Петербург сразу? Может, я сделала что-то не то? Может, это вообще выглядит так, что я поступаю в Москву ради него? Не без этого, но не только же.

Или просто срочные дела и не захотел портить момент?

Пить хочется невыносимо, и голова уже от голода мутная, делаю заказ ужина и отвечаю всем на сообщения. Мама обзвонилась, но она услышит, что я не на пляже, а потому пишу, что мы катаемся. Главное, чтобы они не надумали приехать и посмотреть, как мы катаемся. А там сегодня вообще ни одного кайтера, вот комедия будет!

Надеюсь, Оля меня не сдаст. Она-то общается с Лексом и наверняка знает, что эта неделя вообще не для каталки.

Успокоившись, выпив чаю и утолив голод, понимаю, что не всё так плохо. В конце концов цель мы выполнили, Женя мне оказал неоценимую помощь, а доехать я смогу и сама. Всё еще переживаю, что могла сделать что-то не так, но уже ощутимо меньше.

«Сапсан» мчится так быстро, что я даже не замечаю времени, а мы уже в Твери.

В вагон входит одна семья, и мыдвигаемся дальше.

— Привет! Можно? — Не дожидаясь ответа, молодой человек приземляется на пустующее место Жени рядом со мной.

Я видела его мимолётом, он сидел через проход от меня на одиночном ряду и не отлипал от телефона.

Наверное, он немного старше меня. Улыбчивый, симпатичный. Даже очень. Он познакомиться что ли решил?

— Вы уже сели, — отвечаю отстранённо.

— Ты из Питера?

— Да.

Очевидно, что хочет завязать разговор, а мне как-то неуютно, будто он хочет Женю вытеснить. А он о нём даже и не знает.

— А я из Москвы. Еду к вам поработать, погулять, порейвить. А ты чем в Москве занималась?

— Я ездила на вступительные экзамены в МАРХИ.

— Кто попался? Афродита? Сократ?

— Антиной. Ты тоже художник? — Удивляюсь.

— О, мой любимый. Это изи. Можно и так сказать. Я видеограф. Во ВГИКе учусь на кинооператора.

— Здорово. Какой курс?

— Третий. Вот, собственно, и в Сейнт Пи еду снимать клип чувакам знакомым.

— Это мода сейчас такая? Столько фильмов и сериалов стали у нас снимать

— Мне кажется, даже знаю, что это негласный приказ свыше. Но я тебе ничего не говорил, — парень улыбается очаровательно и начинает мне нравиться. Дискомфорта как и не было.

— Я Таня. Но люблю, когда меня называют Татой, — протягиваю ему руку.

— Оу, фак! Сорян. Даже не представился. Очень приятно, Тата, — пожимает мне руку, — прости отсутствие манер. Я же не из культурной столицы, а родом из Марьино. Я Дима.

— Всё нормально, бывает. И мне приятно.

Дима перетаскивает на Женино сиденье всё оборудование, и мы остаток пути болтаем без остановки. Обсуждаем кино, аниме и мангу и заказываем себе по бокалу апероля. Я заслужила расслабиться после такого длинного и тяжёлого дня.

Когда поезд прибывает на московский вокзал, телефон вибрирует от сообщения.

— Малыш, извини, что так получилось. Заказал тебе такси. Водитель встретит на перроне, чтобы ты не потерялась, — пишет Женя.

Дима сразу перестаёт для меня существовать, и я даже не слышу, что он говорит.

Выходим вместе из вагона, и я сразу же замечаю мужчину в костюме с табличкой «Бемби». Чертовски мило. Закусываю губу, но улыбка всё равно расползается на всё лицо.

Водитель предлагает мне помочь, забирает мой лёгкий тубус и ведёт к парковке.

Замечаю, что Дима идёт за нами, но я пишу Жене сообщение с благодарностью.

— Тат, — окликает меня парень.

— Да?

— Может оставишь свою тэгэшку?

— Зачем?

— Ну, — видно, что Дима смущается, — я бы хотел встретиться с тобой. Можешь подъехать на съёмки клипа Red Nomie.

— Ты ему клип снимаешь?

— Да? Любишь его?

— Нет, честно говоря. Просто мой мой сосед пишет ему биты.

— Жэн? Би Джи Эс?

— Да, Женя. Ты его знаешь?

— Конечно. Мой хоуми. Да и он будет полюбас на съёмках.

— Хорошо, — захожу в телефон и даю ему отсканировать свой QR-код с контактом, — давай! До встречи!

Мир тесен, бывает же! Недаром говорят, что Москва — одна маленькая деревня.

Водитель подводит меня к чёрному «Мерседесу», и я чувствую себя какой-то совершенно особенной. Будто я с гастролей вернулась из Москвы, а не экзамен сдавала.

Устраиваюсь в комфортабельном кресле и продумываю, как отмазаться перед родителями.

Тубус я при входе скину опять к Жене за забор. В туалете переоделась, вроде ничего не забыла, но нервничаю жутко. Если мама узнает, она мне голову оторвёт. Хотя, она скорее поверит в то, что мы с Женей употребляли наркотики и трахались, чем в правду.

Так что, если что, скажу, что были на съёмках клипа. Точно! Это правдоподобно. Влетит мне по первое число, но и экзамены в академию скоро, а значит, наказание долго не продлится.

Прошу водителя остановить на соседней улице, и дальше иду пешком. Если мама увидит, на какой я машине подъехала, ей вообще чёрт знает что в голову взбредёт.

Захожу на участок и понимаю, что у нас гости. Боже! Какое счастье!

Родители радостные машут мне и подзывают. Вижу на столе графины и практически пустой декантер, значит, меня пронесло.

— Ну, рассказывай, спортсменка, — папа навеселе уже конкретном, а мама увлечена разговором с подругой, — освоила парус?

— Я пока только на песке учусь. Ещё тридцать шесть часов практики, и только потом я смогу с инструктором выйти на водоём.

— Ого! Как всё серьёзно, — восхищается тётя Марина.

— Да, мне выдадут международный сертификат, и я смогу кататься везде. А так даже оборудование не дадут в прокат. Там же может руку оторвать тросом.

Все под впечатлением, а я довольная, что смогла убедительно соврать. Обещаю переодеться и выйти к ним, и иду в дом.

Раскладываю вещи, переодеваюсь и слышу, как ворота открываются. Это точно Женины. Мотоцикла не слышно, только лёгкое жужжание. Он что, приехал?

Мчусь на второй этаж к окну, с которого видно их участок, и жду. Может, он кого-то попросил машину с паркинга отогнать?

Но нет. Не попросил. С водительского сидения вылезает Женя, а с пассажирского тот самый Red Nomie.

Смотрю, как они выгружаются, и ничего не понимаю? Как? Как он приехал практически одновременно со мной? Что за приколы?

15. Как он язвительно игнорил

Женя будто чувствует мой тяжёлый взгляд и поднимает глаза к моему окну. У нас горит свет, я не успеваю среагировать и отскочить. Он замечает меня, улыбается и посылает воздушный поцелуй. Показывает, чтобы я взяла телефон, и набирает.

— Малыш, всегда мечтал это сделать.

— Что? — Посмеиваюсь и совершенно не понимаю, о чём он.

— Смотреть на возлюбленную через окно и разговаривать с ней по телефону. Роман-тично же?

Он назвал меня возлюбленной?! Хочется завизжать от радости на весь дом, а я просто стою и глупо улыбаюсь, провожу рукой по стеклу, словно дотрагиваюсь до Жени.

— Бемби, зайдёшь в гости? Я уже соскучился.

— Я попробую отпроситься, родители сегодня добрые.

— Давай, малыш, жду, ворота не закрываю.

Женя разъединяет и показывает мне сердечко. Ничего не понимаю. Быстро принимаю душ, переодеваюсь и бегу вниз.

— Татуль, ты долго, садись ужинать скорее. Рыба уже холодная, — мама показывает на место рядом с собой.

— А можно я в гости пойду? Там поем, — аккуратно спрашиваю.

— Куда это? К парням? — спрашивает папа.

— Да, там к Жене приехал друг, — стою и соображаю, можно ли сказать, кто это. Известный рэпер будет плюсом или скорее минусом? Много же стереотипов ходит, но решаю сказать всё-таки. — Рэд Хоуми, и они меня зовут в гости.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Можно мне тоже! — Начинает умолять Оля. Она, кажется, сейчас из штанов выпрыгнет.

— Ой, идите! Только не пищи мне на ухо, — отмахивается папа.

— В двенадцать, чтобы были дома, — предупреждает мама.

— В час, — начинает конючить Оля. Замечательно, сейчас вообще не отпустят.

— Ладно! И ни минутой позже! — Грозит мама.

Господи, храни родительских друзей! И пусть они приезжают почаще!

Мы берёмся с Олей за руки и счастливые бежим к нашим соседям.

— Там реально Ред Хоуми? — Спрашивает сестра.

— Да. Только води себя нормально, не как фанатка.

— Ой, кого ты учишь, а? Ну прям настоящий? Уже здесь?

— Господи, Оль. Я его своими собственными глазами видела в окно. Высокий, брюнет, крепкий такой, волосы отросшие.

— Божечки, я сейчас кончу.

— Господи, Оль! Там же Лекс!

— Кого и когда это останавливало? — Оля смотрит на меня как-то слишком ехидно и заходит в дом, как к себе.

Как будто она мне этим что-то сказать хотела, но вот что? Наверное, просто загоняюсь.

Мы проходим сразу в гостиную и видим парней у барной стойки. Лекс взбивает в шейкере коктейль, а Женя с этим своим Ред Хоуми курят под вытяжкой.

Стол завален контейнерами из доставки, и рядом валяется просто куча упаковок харибо. Да он маньяк.

— О, а вот и Танечка с Олечкой! Привет, девочки! Проходите! Что вам замешать? — Первым нас замечает Лёша.

— Салют! Мне как обычно! — Плюхается Оля напротив Лекса на стул и жадно смотрит на рэпера.

Как обычно? Боже

— Всем привет! — Здравуюсь и не понимаю, куда себя деть, как встать, куда сесть. Вроде он и позвал в гости, но явно ему интереснее покурить сейчас.

Наконец у них процесс заканчивается, он выходит из-под вытяжки и подходит ко мне.

— Дэн, это Тата, та самая, — обнимает меня сзади Женя за живот и кладёт голову на плечо, — это её сестра Оля.

— Итак, она звалась Татьяной. Дика, печальна, молчалива. Как лань лесная боязлива! — Начинает цитировать Онегина рэпер. Не ожидала такого приветствия, но я ему благодарна за тактично пропущенные строчки про более красивую сестру.

— Вот это фристайл*, — восхищается Лёша, а мы с Олей переглядываемся и стараемся не заржать.

**Фристайл или фристайл-рэп (англ. freestyle rap) — стиль в хип-хоп музыке, в рамках которого исполнитель декламирует импровизированный текст*

— Лекс, это Пушкин. Я только сессию сдал. Надо же перед девочками козырнуть. А тебе, хоуми, надо освежить знания. Знаете, Онегин в тринадцать и Онегин в двадцать вообще разные произведения. А Пушкин наш хоуми.

Вот послушайте:

«Вдовы Клик или МоэтаБлагословенное виноВ бутылке мерзлой для поэтаНа стол тотчас принесено».

Ну, это же топ? — Обращается ко всем рэпер.

Оля всё. Сидит красная, рот раскрыла и с восхищением хлопает глазками.

— Рил*, бро. Это круто, — подтверждает Женя.

**Реально (сленг) от английского real.*

— Кстати, я Денис. Рад знакомству!

— Взаимно, — тихо отвечаю. Я до сих пор ощущаю, как у меня щеки горят от его чтения.

— О, я знаю, как тебя зовут! Да я вообще всё знаю. Очень тебя люблю. Можно селфи?
— Оля всё-таки ведёт себя как малолетняя фанатка, коей она, собственно, и является.

— Детка, давай в другой раз. Я на чилле тут, — сразу осекает её Денис.

— Конечно! Без проблем. У меня телефон садится, я домой забегу, — говорит Оля и выбегает на веранду.

Это она так расстроилась и убежала?

Следом за ней уходит и Лёша.

Пока у нас повисает неловкая пауза, я решаю добавить напряжённости и прояснить, как так получилось, что мы приехали в одно время.

— Как долетели? — Спрашиваю, будто хочу разрядить обстановку.

— Малыш, мы на сапсане ехали. Выкупили переговорку и писались всю дорогу.

— Вы ехали на одном сапсане со мной?

— А ты что, тоже только из МСК? — Спрашивает Денис.

— Да, я экзамены сдавала.

— Малыш, мы на следующем поехали. Он отходил через пятнадцать минут.

— А почему ты меня с собой не взял? — Высвобождаюсь из объятий и смотрю на него с полным непониманием.

— Да чел, ты чего? — Смотрит на него с таким же непониманием Денис.

— Малыш, я думал о том, как тебе скорее оказаться дома, окей? Плюс тебе надо было отдохнуть, а мы с Дэном напрягали бы тебя. Чо за наезды? Ты же хорошо добралась?

— Даже очень хорошо, — подтверждаю и сама понимаю, какая дура, что его напрягаю. Он столько для меня сделал, а я ещё и не благодарна получается. — Прости.

— Забей, — целует меня в губы так порывисто и агрессивно, что я даже теряюсь от напора и толком ответить не могу. Просто даю свой рот в пользование.

Денис даже прокашливается от неловкости.

Возвращаются за ручку и Лёша с Олей. Она явно недовольна, что он демонстрирует какие-то чувства к ней перед Денисом, но, видимо, потусить со звездой для неё всё равно важнее.

Мы выносим всю еду на веранду и устраиваемся там. Хорошо, что мы вдаль от нашего участка и нас не особо слышно будет.

Оля снова предпринимает попытки по штурму Дениса, но он и в этот раз её тактично отвергает.

— Чуваки, вы себе просто высший дом сняли. И вообще мне нереально заходит место. Как тут тихо. Кроме нас будто вообще никого нет. Питер топчик со своим спокойным ритмом, но тут нереальный чил, — делится впечатлениями Денис, развалившись в кресле.

— Да, Лекс красавчик. И локации топовые. Дэн, да тут вообще всё топовое, — сжимает меня крепче Женя и целует в шею, царапая щетиной. Мне и щекотно, и приятно.

Он даже мне поесть спокойно не даёт, постоянно целует, гладит и шепчет такие пошлые вещи, что я сливаюсь с кетчупом.

И одновременно продолжает обсуждать какие-то их рабочие моменты.

— Оо, Димастьяй пишет, — говорит Денис, — сейчас подскочит. Заебись! Охуенно, что так светло. Можем прямо сейчас сниппет отснять. Только, Жэн, надо подкрутить бит, как хотели.

— Да, сейчас сделаем. Кстати, Бемби, ты нам нужна для трека, — обращается Женя ко мне с нотками официозности в тоне.

— Я? А зачем?

— У тебя голос приятный, нежный, — говорит Денис, а Оля меня сейчас готова испепелить, — тебе надо просто сказать: «Ты сегодня опять допоздна?» Справишься? Мы вставим в начало трека. Типа разговор.

— Ну да, думаю, да.

— Супер, погнали. Мне этот кусок нужен.

Парни подрываются, и мы идём в Женину студию. Оказывается, записать одну фразу намного сложнее, чем я думала, потому что тон должен передавать настроение, а у меня голос звучит безэмоционально. Но в итоге всё получается, и меня просто распирает от счастья. Между Денисом и Женей такой контакт непередаваемый, я вижу, как они творят, как понимают друг друга с полуслова, а иногда и без слов, и создают хит. Вот прям у меня на глазах. Это очень вдохновляет.

Даже поверить не могу, что сижу и наблюдаю весь этот процесс напрямую. Денис что-то постоянно начитывает, Женя наигрывает, и видно, как они кайфуют от своего дела и результата.

— Всё, Димон, будет через десять минут, — сообщает Денис.

— А Дима — это твой оператор? — Спрашиваю, потому что, скорее всего, это он. Если парень в поезде меня не обманул, конечно.

— Да. Мы клипак послезавтра снимаем. Яхту арендовали, будет нереальный движ. Подтягивайся. Хотя, — парень усмехается, — Женя тебя ни на секунду не отпускает. Мог бы и не звать.

— Ты знаешь Диму? Откуда? — Женя не реагирует на слова Дениса и жёстко спрашивает, держа меня за запястья.

— В поезде познакомились. Он ехал на соседнем кресле, потом пересел на твоё пустое, и мы с ним всю дорогу проболтали. Он рассказал, что едет клип снимать тебе, — обращаюсь уже к Денису.

— А, вот как. Сегодня он занял моё кресло в «Сапсане». Завтра займёт моё место в твоей постели. Очень хорошо доехала, ясно.

Женя отпускает меня резко, и только сейчас я осознаю, что запястья неприятно тянет. Бросает на меня полный презрения взгляд и выходит из студии.

Отчего-то мне дико неловко, что вся эта сцена была на глазах у Дениса, но он меня заботливо и нежно треплет по плечу и зовёт за собой.

Мы возвращаемся на террасу, и я даже боюсь сесть рядом с Женей, потому что он на меня не смотрит и делает вид, что меня не существует.

Это он так приревновал? Начинаю прокручивать в голове своё поведение с Димой и понимаю, что я вела себя более чем достойно. Какие ко мне вообще претензии?

Хорошо, что остальные меня втягивают в разговор, и я не ощущаю себя совсем уж пустым местом.

— Здорова, гайз! — Вдруг из-за угла дома выходит Дима и с чемоданом, и со своими кофрами.

Все парни встают и идут его встречать. Женя с ним здоровается абсолютно дружелюбно, и я успокаиваюсь. Наверное, я что-то не так поняла.

— О, Тата! Не думал, что встречу тебя так скоро! Стеснялся даже написать, а даже не понадобилось, — улыбается парень.

— Привет! Это моя сестра Оля, — представляю ему мелкую, а сама смотрю на Женю и понимаю, что он взбешён. Его и так квадратная челюсть сейчас стала ещё квадратнее и напряжена так, что я чуть ли не слышу хруст его зубов.

Дима садится между мной и Олей и активно вливается в нашу компанию.

Парни много шутят, смеются, рассказывают нам приколы и обсуждают клип и новый трек, но мне не весело. На тусовке моей мечты мне хочется провалиться сквозь землю. Я считаю время до ухода, потому что Женя вообще не замечает меня. Будто я перестала существовать. Он даже с Олей общается, а на меня даже не смотрит. Мало того, он смотрит сквозь меня.

С каждой минутой моё настроение ухудшается, и я чувствую, как лечу на дно Марианской впадины. Я больше не могу наслаждаться компанией и атмосферой. Меня не расслабляет шампанское, которое открыл в честь приезда Дэн. Мне больше не нравится их музыка, которая ещё недавно дарила магические ощущения и погружала чуть ли не в транс, а всё потому, что меня для него больше нет. А теперь он ещё и знает, что я Диме оставила свой телефон.

На часах без десяти час, и я зову Олю домой. Сейчас подойду попрощаться и попробую его разговорить.

— Ребят, спасибо вам за гостеприимство! С вами классно, но нам пора домой.

— До завтра, девчонки, — прощается Лекс и Дима одновременно.

— Тебе спасибо за помощь! Очень красивый голос! Я бы тебя и на вокал взял, — улыбается Денис. Несмотря на его типа бандитский рэп, где он читает исключительно про шлюх и наркотики, он оказался очень адекватным и воспитанным парнем. Да и умным. Рэпер с филфака, надо маме рассказать.

Я смотрю на Женю, но он молча курит и ковыряет ногой шишку на мхе и делает вид, что вообще ничего не происходит.

Я надеялась, что он меня проводит, что-то скажет, но нет. Я не понимаю, как можно два часа делать вид, что меня нет?

— Жень, пока! Мы уходим, — обращается к нему Оля.

— Пока, детка! — Салютует ей сигаретой, а на меня по-прежнему не смотрит.

Я застываю от обиды и не понимаю, что делать. Сказать ему что-то или быть выше? Но в итоге чувствую, как нервы не выдерживают, и к моим глазам подступает поток слёз. Пока не поздно, отворачиваюсь и стремительно покидаю участок.

16. Её презрением наказать

Держусь изо всех сил, пока не покажусь маме и не окажусь наедине. Не хочу никому показывать своё состояние.

Но сегодня день у меня резко контрастный, и с родителями мне наоборот везёт. Они уже спят, поэтому я спокойно ухожу к себе, но когда я остаюсь одна, слёзы уже не идут, я просто чувствую пустоту.

Полное непонимание, что произошло и почему он так резко переменялся. Почему так обиделся. Наверное, надо дать ему время остыть, и мы поговорим. Это же смешно — ревновать меня к Диме, он приятный попутчик и не более.

Хочется написать подругам и спросить совета, но мне стыдно или, скорее, боязно. У меня есть стойкое ощущение, что все единогласно скажут, что надо забить и даже не смотреть в его сторону, а я не могу.

Я хочу понять его. Почему он так постоянно делает? Почему ведёт себя так полярно? То горячо, то холодно. То обижает, то радует и помогает. Ничего не ясно. Ничего

Утром просыпаюсь, проверяю телефон, но от него нет сообщений. Честно говоря, я думала, что он извинится. Нет, так нет.

Я протрезвела не только от шампанского, но и в целом и понимаю, что мне стыдиться нечего. Отправил меня одну, хотя мог спокойно билет поменять, и ему ещё что-то не нравится.

Мне вообще сейчас не до переживаний, завтра надо ехать в Москву на аналитический рисунок и колористическую композицию.

Потом три дня отдыха, и то же самое меня ждёт в Питере. А затем и черчение по второму кругу. Да, Женя меня только отвлекает. Надо расставить приоритеты и не отвлекаться.

Звоню бабушке и договариваюсь, что она меня прикроет. Для родителей я поеду к ней, а сама в Москву. Уеду с вечера, а дедушка меня подкинет на вокзал.

Мама меня с радостью отпускает, и я спокойно собираюсь без тайн и секретов. Периодически думаю о том, что Женя прекрасно осведомлён о том, что у меня завтра экзамен, но никак не интересуется, как я поеду и что скажу родителям. Конечно, он купил мне все билеты, даже на черчение, но, видимо, больше сопровождать меня не собирается.

Когда дедушкин водитель подъезжает к нашему дому, в глубине души я надеюсь, что Женя как-нибудь заметит, что я уезжаю, и выйдет объясниться. Поэтому к машине я иду не спеша и сажусь не сразу. Пока водитель мои вещи убирает в багажник, не сажусь в салон, а жду. Даже шнурки начинает перешнуровывать, и изо всех сил держусь, чтобы случайно не бросить взгляд к окну его студии. Но ожидания мои напрасны.

Бабушка с дедушкой меня поддерживают, говорят, что снимут квартиру, помогут, маму уговорят. Дед вообще грозит её доли лишить, если будет его внучку обижать, и это меня так успокаивает, что я абсолютно не волнуюсь перед экзаменом. Но есть и минус. Я начинаю снова волноваться о Жене.

Почему он не интересуется, как я завтра поеду? Всё-таки я понимаю, что надеялась на его участие.

Не выдерживаю и захожу к нему в соцсети, но там пусто. Нахожу Дениса, но у него тоже пусто. Только одна сторис с залива.

Становится тревожно, и меня не покидает ощущение, что это всё. А конец для меня сейчас гибели подобен. Даже думать об этом боюсь. Ну как всё? Ничего же не случилось. Я что, перестала его вдохновлять? Больше не нравлюсь?

Неужели я больше не посижу у него на коленях, пока он играет на медиа-клавиатуре? Мы больше не будем гулять по городу всю ночь напролёт? Больше не будем кататься на байке, и он меня так и не научит кайтить?

— Жень, — не выдерживаю и пишу ему сообщение. Ну, если он такой глупый и реально подумал, что я заинтересовалась Димой, мне не сложно объяснить, что это не так. В конце концов, что важнее? Моя правота или наши отношения? Мне важнее Женя. А это недопонимание мимолётное мы через три дня и не вспомним.

Не отрываю глаз от дисплея и жду ответа, но его нет и нет. Не выдерживаю и от скуки и невозможности больше ждать засыпаю.

Просыпаюсь постоянно среди ночи, чтобы проверить, не прислал ли он что-то. Но он даже не прочитал.

— Татуля, вставай, дедушка уже тебя ждёт, — слышу сквозь сон бабушкин голос.

Киваю и встаю. Собираюсь на автомате, от постоянных пробуждений сон был рваным, и голова мутная.

К телефону притронуться боюсь, потому что если сообщения нет, я снова расклеюсь.

От завтрака отказываюсь, и мы сразу с дедушкой выезжаем.

Сегодня я не опаздываю, а состояние ещё более взвинченное, чем позавчера.

— Мне нравится, что ты не боишься сложностей и рискуешь, — обращается ко мне дед, — это хорошие качества для ведения бизнеса. В меня пошла!

Дедушка горд мной и рад, это очевидно по его улыбке.

— Спасибо, дедуль.

— Ещё станешь моей преемницей!

— Дед, ну где я, а где форель?

— А это неважно, риск и смелость уже много. Поживём, увидим, но я тобой очень горжусь. И знаешь, что, Татуль? Если вдруг не получится, можешь на меня рассчитывать, я оплачу тебе обучение!

— Дедуль, спасибо! — Тянусь и чмокаю его. Он мне двумя предложениями столько уверенности дал, что я вообще не сомневаюсь, что справлюсь, но поддержка и страховка важны. И как у них с бабушкой такая душная дочь получилась? Не понимаю

Мы спокойно доезжаем, и дедуля идёт меня провожать до вагона.

— Ого, первый класс! Даже я себе не покупаю. Вот куда мои гостинцы тратишь? — Подмигивает дед.

— Да нет, мне друг купил все билеты, — смущённо признаюсь.

— Хороший у тебя друг, а? Любит тебя, наверное, раз так заботится.

Проводница напоминает мне, что поезд вот-вот отойдёт, не отвечаю дедушке, обнимаю его и забегаю внутрь.

Прохожу к своему креслу и как дура надеюсь на чудо. Вдруг прав дед?!

Но чуда нет, соседское кресло снова пустует.

Заказываю себе завтрак, как в прошлый раз, и прошу, чтобы подали и разбудили после Твери. Мне надо поспать, иначе на экзамене я не смогу высидеть шесть часов.

Просыпаюсь только за полчаса до прибытия, но понимаю, что когда я опаздываю, мозг как бы собирается и работает на полную.

И действительно я собираюсь, откидываю всё лишнее, прихожу заранее в МАРХИ, получаю распределение и сажусь с холодной головой за задания.

У меня есть цель и больше ничего.

Я собой довольна. Первый раз в жизни довольна настолько. Я выложились на все сто, и меня разрывает от гордости и чувства удовлетворения.

Нужно позвонить бабушке, но первым делом я пишу Жене. Может, глупо, может, даже убого, но я сейчас так рада и хочу с ним поделиться.

Если бы не он, меня бы здесь сейчас не было, и я искренне его благодарю, а потом звоню бабушке и благодарю его. Он обещает встретить меня сам и отвезти домой. Бабушка никогда не нарушает режим и ужинает строго в восемь, а сегодня ради меня нарушит.

В поезде я снова отрубаясь, как только мы выезжаем из Москвы.

Просыпаюсь и захожу первым делом в телеграм. Женя побаловал меня реакцией и поставил сердечко на мою благодарность.

Наверное, ещё злится, но уже оттаивает.

Мы с бабушкой заезжаем в «Пробку» отметить успешную, по моему ощущению, сдачу, а потом он меня заводит домой.

Коттедж Жени погружён в мрак, и нет никаких следов присутствия. Машины тоже на территории нет.

Я всё равно надеялась, что он меня увидит и выйдет, и чувствую лёгкую грусть от разочарования.

Но у меня такой важный день, что негатив просто не держится.

Даже мама сегодня добрая, тем более дед меня так хвалил, а его слово для неё всё-таки имеет огромный вес.

Олька приходит перед сном и жалуется, что Лекс не берёт её завтра на съёмки клипа, потому что она несовершеннолетняя и ей на яхту нельзя. А меня даже и не зовут. Точнее, Денис звал, но это же было просто на словах и при Жене.

Уже засыпаю, как телефон пару раз вибрирует.

— Приветик! Извини, что поздно. Придешь завтра на съёмки? Если да, то в 13:00. Яхт-клуб «Буревестник» на Крестовском. Надо быть в белом. Очень жду, — пишет Дима.

— Привет! Спасибо! Я буду, — отвечаю незамедлительно. Уверена, его Женя попросил написать.

17. Ревности припадки — болезнь, так точно как чума

Просыпаюсь первый раз за последние дни в ровном спокойном настроении. Выспалась, отдохнула и скорее хочу увидеть Женю.

Олюшка спит, а мама с папой завтракают в саду, сегодня очень жарко, и наша солнечная веранда залита солнцем так, что на ней сидеть невыносимо.

— Доброе утро!

— И тебе! Рано ты, — здороваются папа.

— Завтракать будешь? — Спрашивает мама с одолжением.

— Да!

— Ну и что себе ничего не взяла? Опять я обслуживать должна? — Встаёт мама с выдохом раздражения и уходит в дом.

Но она мне настроение не испортит. Пока она внутри, есть шанс у папы отпроситься.

— Папуль, меня мальчики позвали на съёмки клипа сегодня на Крестовском. Можно?

— Правда? — С энтузиазмом спрашивает папа.

— Ну да, в час.

— Да что же такое? У меня консультации в это время. Так хотел хоть одним глазком увидеть процесс.

Папа хотел со мной пойти на съёмки? Испанский стыд!

— Ну а мне можно?

— Конечно, можно. Не убегут же от тебя твои головы. Но маме скажи, что в Штиглица поехала.

— Спасибо, — улыбаюсь и быстро обнимаю папу. Он классный, как только маму выдерживает

Приезжаю в яхт-клуб на полчаса раньше и сразу замечаю толпу людей. Ни Женю, ни Дениса, ни Диму с Лексом я не вижу, но понятно, что это съёмочная команда. Тут много красивых девушек-моделей, визажисты, стилисты, ассистенты, операторы. Мне казалось, что будет всё не так серьёзно, а тут будто кино снимают.

— Привет! Я Аля-менеджер, — подходит ко мне доброжелательная девушка с планшетом, — ты на съёмки? Как тебя зовут?

— Я Таня. Меня Денис, Дима и Женя позвали.

— Не вижу тебя в списке, — скроллит список девушка и наверняка думает, что я обычная фанатка, которая захотела просочиться, — все модели уже здесь.

— Меня, наверное, просто в качестве гостьи позвали. Женя с Денисом этот трек про меня написали, — говорю и думаю, что она вообще меня сейчас за сумасшедшую примет. И действительно, она усмехается и корчит такое надменное выражение лица, что я боюсь, что она сейчас в свою рацию охрану вызовет.

— Аля! Эта детка ко мне! — Выходит из трейлера Денис, и я его узнать не могу. От интеллигентного парня с филфака не осталось и следа. Сейчас он реальный рэпер, только белый. Украшений больше, чем на новогодней ёлке.

Девушка окидывает меня ещё раз взглядом и удаляется.

— Привет! — Подхожу к Денису, — где все?

— На яхте. Ждём Фару и отчаливаем.

А вот Фару я реально слушаю и люблю, и готова уже, как Олька, запищать, но держу лицо. Неужели трек, который мне написал Женя, это фит с Фарой?

— А я думала, что это твой сольный трек.

— Здрасте! «Беспредел» начинается с Фары. У него два куплета, у меня один.

— Вы «Беспредел» снимаете? Я думала, новый.

— Какой? — Спрашивает Дэн, пока мы идём вдоль пристани.

— Ну, где «Она читает Фаулза», — с стеснением говорю. Вот дура, решила, что это съёмки этого трека. Ещё и в глубине души надеялась на главную роль. Так стыдно, чувствую, как щёки пунцовый окрас приобретают.

— Да это же демка* просто. Жэн попросил для тёлочки записать. Стой, это для тебя? — Закрывает лицо ладонью, изображая *facepalm**.

**Демозапись-«черновая» фонограмма, предназначенная для демонстрации музыкального материала.*

**Facepalm (от англ. face — «лицо» + palm — «ладонь») — выражение в сленге, которое означает «лицо, закрытое одной рукой». Это проявление разочарования, стыда, уныния, раздражения или смущения.*

— Аха-а.

— Сорян, детка. Ты классная! На тёлочку не обижайся. Я люблю телят, они милые, и ты похожа на телёнка, — по-доброму улыбается.

— Я не обижаюсь. Нормально.

Самый странный комплимент в моей жизни.

Ну а Женя, как всегда

Хотя, он не говорил, что это готовый трек, просто включил. И никто не говорил, что съёмки на него будут. Это я просто размечталась и так уверовала в это, что приняла фантазии за действительность.

Замечаю на борту внушительной яхты Диму, он запускает дрон и делает съёмки с воздуха. Женю нигде не видно.

В один момент праздное шатание заканчивается, включается музыка, девочек всех строят в ряд, все разбиваются на группки, и начинается процесс. Я поднимаюсь на борт и занимаю самое укромное место, чтобы не мешаться под ногами.

Снимаю папе небольшие видео, раз ему так интересно посмотреть, и замечаю, как последним на борт поднимается Фара. Папа его тоже любит, мы вместе слушаем, и я мельком снимаю и его.

Парень замечает это и окидывает меня вызывающим взглядом с ног до головы. Кожа аж гореть начинает, и хочется поправить платье, чтобы оно было чуть длиннее.

Как только он поднимается на самую верхнюю палубу, откуда ни возьмись вылезает Женя, и для меня весь мир перестаёт существовать. Вокруг нереальная красота. Я безумно люблю этот вид. Обожаю Яхтенный мост, стадион «Зенита», Лахту. Для меня это символы нового Петербурга и новой энергии, но мне сейчас не до них. Вся энергия в его смехе, улыбке и шутках, которые, к сожалению, адресованы не мне.

— Привет! — Ко мне выходит из кают-компания незнакомая очень красивая девушка, — ты чего тут одна грустишь? Стесняешься?

Наверное, она заметила, как я забилась в угол и уже час отсюда не выхожу. Чувствую себя здесь абсолютно лишней. Работа кипит, Женя не отходит от режиссёра и настраивает звук. Дима то дрон запускает, то снимает на камеру. Денис в окружении красавиц снимается на носу.

— Да. Я тут практически никого не знаю. Только Рэд Флоу и Женю с Димой.

— Я тоже никого не знаю. Держи, — протягивает мне розовую таблетку, — чтобы не укачивало. Финка беспокойна сегодня.

Я как загипнотизированная принимаю таблетку из её рук и запиваю бокалом шампанского, который она подаёт следом.

— Это драмина? — Спрашиваю только после того, как запиваю.

— Практически. Аналог, — улыбается мне и уходит.

Я прислушиваюсь к своим ощущениям, вроде меня совсем не укачивает. Я как-то в шторм на Ладоге попала, и нормально было, но вдруг начнётся что-то. Не остановят же съёмки ради меня.

Наверное, здесь все приняли драмину.

Сверху спускается Фара с надменной Алей и, судя по кисточкам на поясе, визажистом. Из каюты выводят шесть девушек, и они становятся в ряд.

— Выбирай себе партнёршу, — говорит Аля.

— М-м-м, — лениво тянет парень, — а ещё есть кого глянуть?

— Нет. Это все.

— Не вставляют. Тут рыбка была где-то тёмненькая. Её хочу.

— Какая рыбка? — Раздражённо спрашивает Аля.

— В сарафане коротком пышном.

Девушка начинает крутить головой и замечает меня.

— Эту подготовь к съёмке, — небрежно говорит визажисту, который уже подходит ко мне.

— Меня? А что делать надо? — С ужасом спрашиваю. Тверкать вокруг Фары, как сейчас модели вокруг Дэна трутся, я не собираюсь.

— А ты не актриса? — Замечая мой испуг, спрашивает рэпер, — на коленях посидеть надо и поболтать в толпе. Целоваться не будем, — иронично говорит.

А вот это жаль. Может, тогда меня заметил бы Женя. Да и губы у парня красивые. Будто для поцелуев и созданные. Такие пухлые, чувственные. Почему я об этом думаю?!

— Я не актриса. Меня друзья просто позвали, но им не до меня. Я согласна.

— Даже не сомневался! И не гримируйте её сильно. Мне нравится она именно такая.

— Будет сделано, — отвечает визажист и зовёт меня на нижнюю палубу.

Мне накладывают тон, делают скульптурирование для съёмки, зачёсывают брови и отпускают. Своего рода он тоже художник. И работал над моими чертами, как я над Давидом.

Мы проходим к носу и присоединяемся к Диме с моделями. Туда же сгоняют ещё массовки.

— О, нашу Тату задействовали. Правильно, — замечает меня Денис.

— Рад тебя видеть, — подходит ко мне и Дима.

Мне объясняют, что мы должны потанцевать и поболтать в толпе, а потом нас снимут в обнимку на диванах на палубе и всё.

Я выпиваю ещё один бокал шампанского, чтобы расслабиться, и ощущаю какую-то небывалую лёгкость и раскрепощённость.

Я не стесняюсь, меня не напрягает толпа вокруг нас. Мне нравятся лёгкие прикосновения моего партнёра, и мы с ним сразу же находим контакт.

Звучит команда, и мы дружно начинаем изображать веселье. А мне и изображать не надо, мне действительно хорошо, небывало хорошо. Все тревоги, думы, заморочки последних дней уходят, и я наслаждаюсь процессом. Смеюсь, танцую, обнимаюсь. Я не играю, я проживаю. Совершенно не замечаю ход времени и не напрягаюсь от повторных дублей.

— Что вечером делаешь, рыбка? — Наклоняется и спрашивает Фара, а я замечаю, как с верхней палубы на нас смотрит Женья. Он работает со звуком, но его взгляд не отрывается от меня. Впервые я так беззастенчиво смотрю и на него в ответ.

— У меня нет планов, — закусываю губу и отвечаю, всё также не отрывая взгляда от Жени. А ещё подступаю к Фаре ближе.

— Уже есть, — говорит рэпер и убирает прядь мне за ушко.

Уверена, если бы Бессонов мог, он бы сейчас своим взглядом спалил моего нового друга.

Общий план отснят, и мы переходим к следующей сцене.

Мне начинает безумно нравиться этот процесс и также сильно Фара.

Не могу понять себя. То ли мне нравится реакция Жени на нас, то ли парень. А возможно, и всё вместе. Я явно получаю огромное удовольствие от всего. Даже не думала, что съёмки подарят мне такую эйфорию и что я так раскроюсь. Я будто другая Тата и проживаю сейчас альтернативную реальность, где я не забитая старшая дочь с уймой возложенных ожиданий, а свободная птица без комплексов.

— Рыбка, тебе так комфортно? — Спрашивает Федя, усаживая меня на колени и обвивая меня за талию.

— Да. А тебе?

— Ты пушинка и пахнешь, как чизкейк. Мне заебись, — говорит парень, а я даже не смущаюсь, лишь улыбаюсь и выполняю Алины команды.

Мы изображаем флирт и романтику на яхте. Нас снимают с разных ракурсов и просят смеяться и улыбаться. Над нами кружит Димин дрон, и на нас смотрят десятки глаз. Но мне параллельно. Мне всё в кайф.

Но начинаю чувствовать напряжение и поднимаю глаза — Женья. А я забыла о нём. Впервые с момента нашего знакомства я смогла освободиться от навязчивых мыслей. Как же легко. Было

Потому что Женья смотрит на нас волком, сводит челюсти, кидает с остервенением бычок в воду и разворачивается.

Да пусть ревнует! Ни разу ко мне не подошёл, не ответил. Я ему ничего не должна! Он меня не замечал, и я его больше не замечаю!

Вижу, как он быстро спускается по лестнице, что-то бросает оператору и врывается к нам в кадр.

— Бро, это моя девушка! Дубли закончены, — чётко произносит каждую фразу Фаре.

— Броди, не обессудь! Я же не знал, — улыбается ему Фара и продолжает обнимать меня за талию.

— Теперь знаешь!

— Старый, да расслабься! Просто съёмки! Да мы уже и отсняли всё. Иди, рыбка. Видимо, планы меняются, — говорит уже мне.

— Прости за это! Скоро вернусь, — шепчу Феде и нерешительно встаю.

Женя дёргает меня за руку и тащит по палубе в противоположную сторону яхты. От его прикосновений кожу печёт, но я испытываю удовлетворение. Меня наконец заметили. Я смогла вывести его на эмоции. Весь интерес к Феде пропадает, и я упиваюсь своей победой.

— Бемби! Ты меня унижаешь на глазах у всех! Ты для этого пришла? Всё из-за сраного сапсана? Ты мне мстишь? — Женя взбешён и трясёт меня.

— Да что ты несёшь? Ты прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь! Это просто съёмки! Меня попросили помочь, я помогаю. Как ты и завещал, между прочим!

— И как ты ко мне относишься, малыш? — Женя обхватывает моё лицо ладонями и просверливает взглядом. Дышит так тяжело, что его грудь ходит ходуном.

— Я влюблена в тебя, Женя! Неужели это открытие для тебя?!

— Влюблена? — спрашивает, будто это действительно не очевидно.

— Да! Безумно! — Озвучиваю то, что крутилось в голове всё это время, и будто оковы срываю. А ещё понимаю, что это на самом деле ничего не значит. — Но это не имеет значения больше! Всё кончено!

18. Разврат бывало хладнокровный

POV Бес

Блядь! Где я просчитался? Пережал? Всё же шло по плану. Гостинг зашёл, она полдня с ума сходила и сорвалась.

Она ускользает! Как и все

Стоило появиться Фёдору, всё! Должна была из кожи вон лезть ради моего расположения! Сам же попал в триангуляцию и сорвался! Блядь! Проёб!

Нет, я не готов её отпускать!

— Что кончено? — Холодно спрашиваю.

— Всё! Между нами всё кончено! — Вырывается и подрывается уйти, отпускаю.

— Пф, — усмехаюсь, — да ничего и не было! Что кончено-то?

Нагло смеюсь, смерая её взглядом. Вот оно! Уязвлена! Не ожидала! Пользуюсь её замешательством, подрываюсь к ней и целую. Отчаянно, возвращая и подчиняя.

Самого сносит от её запаха, вкуса, хрупкого тела. Пиздец, какая же сладкая, кайфовая. Мой кодеиновый сироп, мать его!

Присваиваю её рот себе, раззадориваю её, ласкаю. Напираю, не даю дышать, не даю думать. Моя и всё! Федя-чёрт белобрысый! Посягнул на моё!

Тело бемби расслабляется и начинает лнуть ко мне, и вот она уже зарывается мне в волосы и активно отвечает своим язычком. Слышу, как заходится в сумасшедшем ритме её сердце.

Надо дать девочке сахарное шоу, поощрить. Ещё раз пропустить по этому кругу, и будет моей. Окончательно и бесповоротно.

Иначе уйдёт, бросит, предаст, как и все. В самый неподходящий момент всадит нож в спину. Нет, больше этого не будет.

— Тата, малыш! Я так испугался, что потерял тебя, — проговариваю ей в губы и снова накидываюсь на её рот.

— Ммм, — мычит что-то и разрывает поцелуй, — глупый! Я твоя!

И сама завладевает мной. Дает напиться своим ядовитым нектаром, но мне мало. Хочу всю.

— Пойдём со мной! — Отстраняюсь, оттягиваю губами её мягкую губу и шепчу ей.

У неё абсолютно дикий взгляд. Девочка так возбуждена, что зрачки всю радужку закрыли. Хочет меня безумно. Сработало!

Тата покорно даёт мне руку и следует за мной. В носу есть укромная каюта с матрасом, завожу её туда.

Толкаю на матрас и падаю на колени.

Начинаю целовать каждый сантиметр её бархатной кожи. Пиздец, как же она пахнет. Давно меня так не накрывало.

Ожидание стоило того. Думал, что томлю её, в итоге сам одурел.

Как же она пьянит! Целую внутреннюю часть худеньких бёдер, а она уже извивается и хнычет. Готова.

Пять оргазмов, и она заякорится. Главное держать себя в руках, дам ей, потом буду наслаждаться сам.

Она не смущается, не отталкивает, раскрывается и жаждет меня. Это осознание накрывает мощно. Член распирает. Я, блядь, каждый миллилитр крови чувствую. Что за кайф.

Целую её влажные трусики, вдыхаю аромат и ползу вверх, снимая с неё это одновременно порочное и невинное платье.

Облизываю каждый миллиметр тела. Худая и красивая! Моя!

Добираюсь до губ, зажёвываю её, упиваюсь ей. Глотаю её стоны и скольжу пальцами по влажной ткани белья. Поддеваю, принимаю к горячей мокрой киске, тону в вязкой смазке и чувствую, как крохотную каюту заполняет запахом её возбуждения.

— Сними их, — шепчу, почти не прерывая поцелуй.

Она опускает ручки и стягивает свои очаровательные трусики с бантиками.

Размазываю влагу и начинаю осторожно ласкать. Она выгибается и стонет громко.

Если бы не съёмки, слышали все. Слишком горячая и открытая для девственницы. Усме-хаюсь, промариновал как следует.

Бедр Таты начинают подаваться мне навстречу, и девочка сладко кончает. Бьётся в конвульсиях в моих руках. Первый пошёл.

Крепко её держу и погружаю палец внутрь, никакого сопротивления. Расслабленная и жаждущая.

Продолжаю целовать, не могу остановиться и ввожу второй палец. Горячая, тугая, пульсирующая. Льёт, как из родника.

Подбираюсь к передним стенкам и большим пальцем слегка давлю на клитор.

Она впивается мне в спину и сама насаживается, увеличивая напор. Ритмично ласкаю её, и податливая, чувственная девочка кончается снова. Разрывает поцелуй, сладко постанывает и тяжело и часто дышит.

Второй. Да я бью рекорды. Или она гиперчувствительная. Я теряюсь во времени, но думаю, что минуты две, и она готовая.

— Малыш, да ты скорострел.

Тата-пулемётчица, пробегает мысль, но боюсь не поймёт.

Её тёмные карие глаза сейчас чернее чёрного. Обезумела.

— Женя, — хрипит она, — боже, что это? Так хорошо!

Всего лишь пальцы, умеющие играть не только на фортепиано, детка.

— Это оргазмы, малыш. Как тебе?

— Восторг! — Говорит и закрывает лицо руками, — чистый восторг!

Упиваюсь её реакцией и спускаюсь по шее вниз. Отдвигаю тонкое кружево и припадаю к крошечным твёрдым соскам. Тата тут же всхлипывает и начинает ёрзать. Вбираю, покусываю, вырываю стоны и спускаюсь ниже. Целую рёбра, впалый животик и двигаюсь к её киске.

Думал, закроется, застесняется. Но она зарывается рукой в моих волосах и давит на голову, отодвигая от своего лобка к промежности.

Блядь, я как наркоман нюхаю её и прикрываю глаза. Ебать, свихнулся на киске.

Тата так вцепилась и удерживает меня, что даже не даёт взглянуть. Она не бемби сегодня, она горячая голодная кошечка. Усмехаюсь и целую её припухшую влажную кожу.

Ну почему такая сладкая. Чёрт! Крем патисьер, блядь.

— Жееень, — стонет возбуждённо.

Да, только с моим именем и должно удовольствие ассоциироваться!

Она уже раздражена до предела, вся налитая кровью и предельно простимулирована.

Главное не перегнуть. Не пережестить.

Расслабляю язык и провожу им от клитора к влагалищу. Девочка выгибается и забрасывает на меня ножки. А потом вместо ожидаемых стонов я слышу смех.

Какого вообще?

— Жень, — хохочет звонко, — я твой варган!

Ясно, шампанского перепила.

— Ты мой любимый инструмент, малыш!

Всасываю клитор и слышу всхлип. Нежно ласкаю её, облизываю, дую, проминаю пальцами и снова проникаю внутрь.

Она вся хлюпает и дрожит.

— Жееееень, — хрипит и снова сокращается и подрагивает на моих пальцах.

Достаю плед и укрываю её. Пусть отдыхает.

Я молодец. Осталось два.

— Малыш, я за водичкой схожу.

— А-ха-а, — разморенно выдыхает.

В баре беру нам воды и колы и возвращаюсь. К моему удивлению бемби уже одетая и бодрая. Да что за хрень?!

— Держи, — протягиваю ей воду.

— Съёмки ещё долго будут продолжаться?

— Да, но яхта скоро причалит. Хочешь сойти?

— Хочу! Отвези меня домой и продолжи начатое! — Смотрит на меня, как дикая. С вызовом. Не просит, требует.

— Хорошо, малыш.

Беру её за руку и вывожу на палубу. Яхта на тихом ходу приближается к месту прибытия.

Она прислоняется к корпусу яхты и смотрит вдумчиво на Неву. А я пересекаюсь глазами с Фарой. Мы, конечно, кореша, но я делиться не привык. Хер ему.

После этого ещё подумаю, давать ли ему материал.

Усмехаюсь и обнимаю Тату, закуливаю. Понервничал из-за девчонки. Но чёрт, она того стоит. Каждой, сука, нервной клетки стоит.

Ни с кем не прощаюсь, хватаю её и первыми спускаемся с судна. Молча веду её к тачке.

— Поставь свою музыку, — гладит меня по ногам и скользит рукой выше. Смотрит на меня плотоядно.

Выполняю приказ леди и мчу к нам на район.

Скорость и дорога возвращают мне холодный рассудок и я начинаю просчитывать шаги, чтобы снова не оступиться. Не упустить момент. Не пережать и не недожать. Мне сейчас ясно как день, что я хочу её. Всю. Чтобы просыпалась и засыпала с моим именем на устах.

Заезжаем в гараж, чтобы её не увидели родители и из него бежим в дом. Девочке сорвало крышу. Я сорвал крышу. Снимает с себя платье и кидает на пол, пока поднимаемся на второй этаж. Следом избавляется от белья и поворачивается ко мне передом. Разжигает пламя, манит. Её оленьи глаза полны желания, волосы растрёпаны и просятся на кулак.

Девочка для меня рождённая. Только моя.

Заходим ко мне в комнату, горит лишь неоновая лампа. Она ложится на кровать и зовёт меня.

Целую её, снова не могу утолить жажду.

Снова извожу её, дразню, довожу до оргазма пальцами и наконец, добившись четырёх оргазмов, позволяю себе зафиналить марафон.

Нервничаю, как школота, пальцы трясутся, когда открываю презерватив и беру лубрикант.

Тата смотрит на меня широко распахнув свои оленьи глаза и крепко держит за плечи.

Провожу головкой по её разгорячённой плоти, радуюсь её всхлипам и мольбам и резко толкаюсь внутрь.

Блядь, я в раю. Тепло, туго, мягко, влажно. Сжимает меня. Я не знаю, что со мной. Чувствую, как расклеиваюсь. Как теряю контроль и установки.

Из последних сил держусь и аккуратно вхожу в девчонку. Выхожу и снова вхожу. Даже кайфую от этой скорости и отсутствия амплитуды. Давно забытые ощущения.

Вспоминаю Нимфоманку. Секретный ингредиент секса – любовь. Кажется, я его нашёл.

И она нашла. Иначе бы так сладко не стонала. Закрываю ей рот поцелуем. Предки ещё услышат...

Эйфория, как лава, расплзается по моим венам и я понимаю, что не вывезу ещё раз. Придётся, блядь. Сам перекроюсь, но иначе никак. Смотрю в её широко распахнутые глаза и ненавижу себя, презираю.

Но не просто так она меня предала. Значит, заслужил. Не сделаю этого и Тата предаст тоже. Прости, бемби, но придётся сделать тебе больно, последняя мысль, которая пролетает в голове, прежде чем кончаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.